

АКАДЕМИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ
ПРИ ГЕНЕРАЛЬНОЙ ПРОКУРАТУРЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
ИНСТИТУТ ПОСЛЕВУЗОВСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

ХАМЗИН АСЛАН ТЕМИРГАЛИЕВИЧ

Причинение вреда при задержании лица, совершившего посягательство как обстоятельство, исключающее преступность деяния

Проект на соискание степени магистра национальной безопасности и военного дела по образовательной программе 7М12301 «Правоохранительная деятельность» (профильное направление)

Научный руководитель:
доцент кафедры
общеюридических дисциплин,
Нугманов Р. Р.
кандидат юридических наук,
советник юстиции

г. Косшы, 2025 г.

ТҮЙІНДЕМЕ

Магистрлік жобада қол сұғушылық жасаған адамды ұстау кезінде зиян келтірудің қылмыстық-құқықтық институты әрекеттің қылмыстылығын болдырмайтын мән-жайлардың бірі ретінде зерттеледі (Қазақстан Республикасы Қылмыстық кодексінің 33-бабы). Жеке тұлғаны қорғау мен қоғамдық тәртіпті сақтау арасындағы тепе-теңдікке негізделген құқықтық мемлекет жағдайында бұл норманы қолдану теориялық және практикалық тұрғыдан шешуші мәнге ие болады.

Жұмыстың мақсаты-заңды ұстау институтын кешенді теориялық-құқықтық және қолданбалы талдау, оның құқық қолдану проблемаларын анықтау және заңнама мен практиканы жетілдіру бойынша ұсыныстар әзірлеу.

РЕЗЮМЕ

В данном магистерском проекте исследуется уголовно-правовой институт причинения вреда при задержании лица, совершившего посягательство, как одно из обстоятельств, исключающих преступность деяния (статья 33 Уголовного кодекса Республики Казахстан). В условиях правового государства, основанного на балансе между защитой личности и поддержанием общественного порядка, применение данной нормы приобретает ключевое значение как с теоретической, так и с практической точки зрения.

Цель исследования заключается в комплексном теоретико-правовом и прикладном анализе института правомерного задержания, выявлении проблем его правоприменения и выработке предложений по совершенствованию законодательства и практики.

SUMMARY

The master's thesis is devoted to a comprehensive legal analysis of causing harm during the apprehension of a person who has committed an offense, as an independent circumstance excluding the criminality of an act, under Article 33 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan. This institution plays a crucial role in ensuring the protection of legal order and public safety, particularly in situations where immediate state intervention is unavailable and private individuals take lawful action to restrain offenders.

The purpose of the research is to identify theoretical and practical problems in the application of Article 33 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan and to formulate legal and procedural recommendations for improving criminal legislation and law enforcement practice.

СОДЕРЖАНИЕ

НОРМАТИВНЫЕ ССЫЛКИ	4
ОПРЕДЕЛЕНИЯ.....	5
ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ	7
 ВВЕДЕНИЕ.....	 8
 1 ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ИНСТИТУТА ЗАДЕРЖАНИЯ ЛИЦА, СОВЕРШИВШЕГО ПОСЯГАТЕЛЬСТВО	
1.1 Понятие обстоятельств, исключающих преступность деяния	11
1.2 Историко-правовой обзор развития института задержания лица, совершившего посягательство.....	15
1.3 Правовая природа задержания лица, совершившего посягательство	22
 2 ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА ПРИ ЗАДЕРЖАНИИ ПОСЯГНУВШЕГО ЛИЦА: ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА И ПРОБЛЕМЫ	
2.1 Условия правомерности причинения вреда при задержании лица, совершившего посягательство.....	26
2.2 Отличие от смежных институтов: необходимая оборона и крайняя необходимость.....	30
2.3 Проблемы квалификации действий при причинении вреда при задержании	35
 3 НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ СТАТЬИ 33 УК РК	
3.1 Анализ судебной практики в Республике Казахстан	43
3.2 Типичные ошибки и коллизии в правоприменении: введение	52
3.3 Систематизированные предложения по совершенствованию правового регулирующего и практики применения статьи 33 УК РК	62
 ЗАКЛЮЧЕНИЕ	 65
 СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	 67
 ПРИЛОЖЕНИЕ	 70

НОРМАТИВНЫЕ ССЫЛКИ

В настоящем проекте использованы ссылки на следующие стандарты:

1. Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 года (с изм. и доп. по состоянию на 2025 год) // Казахстанская правда. – 1995. – № 174.
2. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V ЗРК.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V ЗРК.
4. Постановление Конституционного Совета Республики Казахстан от 4 июня 2009 г. № 2 «О проверке конституционности статьи 36 УК РК».
5. Закон Республики Казахстан «О правоохранительной службе» от 6 января 2011 года № 380-IV ЗРК.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ // Российская газета. – 1996. – № 114.
7. Всеобщая декларация прав человека, принятая резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года.
8. Международный пакт о гражданских и политических правах, принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 г., вступил в силу 23 марта 1976 г.
9. Основные принципы применения силы и огнестрельного оружия должностными лицами по поддержанию правопорядка, принятая восьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями Гавана, Куба, 27 августа — 7 сентября 1990 года.

ОПРЕДЕЛЕНИЯ

В настоящем проекте применяют следующие термины с соответствующими определениями:

1. Причинение вреда при задержании — в уголовно-правовом смысле согласно статье 33 Уголовного кодекса Республики Казахстан — это физическое или иное воздействие на лицо, совершившее посягательство, осуществляемое с целью его задержания и последующей передачи органам государственной власти. Такое воздействие признается правомерным, если оно необходимо и не превышает меры, нужной для задержания.

2. Посягательство — общественно опасное, противоправное деяние, направленное на нарушение охраняемых законом интересов личности, общества или государства. В контексте ст. 33 УК РК речь идёт о совершённом деянии, представляющем угрозу, реагирование на которое уже вышло за пределы необходимой обороны.

3. Задержание лица, совершившего посягательство — правомерное ограничение свободы передвижения лица, подозреваемого или очевидно совершившего преступление, осуществляемое гражданином, должностным лицом или представителем власти до прибытия уполномоченных органов, при условии последующей передачи задержанного в установленном порядке.

4. Обстоятельства, исключающие преступность деяния — юридически значимые ситуации, при которых формально преступное поведение утрачивает свою общественную опасность, противоправность или вину в силу наличия социально одобряемой цели, условий или обязанности (необходимая оборона, задержание, крайняя необходимость и др.).

5. Допустимый вред — мера вреда, причиняемого правонарушителю в ходе его задержания, которая ограничена рамками необходимости, соразмерности и минимального достаточного воздействия. Выход за эти пределы может квалифицироваться как превышение пределов правомерного поведения.

6. Превышение пределов задержания — действие, при котором лицо, осуществляющее задержание, причиняет заведомо избыточный вред, не обусловленный необходимостью пресечения сопротивления, побега или иной угрозы со стороны задерживаемого, в результате чего теряется основание, исключающее преступность.

7. Субъективная сторона задержания — внутреннее отношение задерживаемого лица к совершаемому действию, включая осознание правомерной цели (передача органам власти) и отсутствие намерения причинить избыточный или наказующий вред. Добросовестность субъекта — ключевой критерий правомерности.

8. Правомерная цель задержания — намерение пресечь противоправное поведение и передать лицо, совершившее посягательство, в

компетентные органы. Утрата этой цели (например, при действиях мести или самосуда) переводит деяние из разряда правомерных в противоправные.

9. Самосуд — противоправное, произвольное действие, в котором частное лицо или группа лиц самовольно применяют меры наказания к лицу, подозреваемому в преступлении, минуя установленную законом процедуру правосудия. В уголовном праве рассматривается как превышение полномочий или причинение вреда без законного основания.

10. Презумпция правомерности задержания — предположение о том, что действия по задержанию лица, совершившего посягательство, являются правомерными до доказательства обратного. Эта презумпция пока не закреплена в казахстанском уголовном праве, но активно обсуждается в научной литературе как необходимый элемент защиты добросовестного поведения граждан.

ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ

РК	Республика Казахстан
УК РК	Уголовный кодекс Республики Казахстан
УПК РК	Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан
КС РК	Конституционный Суд Республики Казахстан
ВС РК	Верховный Суд Республики Казахстан
РФ	Российская Федерация
УК РФ	Уголовный кодекс Российской Федерации
ПП ВС РФ	Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации
ООН	Организация Объединённых Наций
НПА	Нормативный правовой акт
ст.	статья
ч.	часть
п.	пункт
т.е.	то есть
и др.	и другие
и т.п.	и тому подобное
см.	смотри (в ссылках на источники)
и.о.	исполняющий обязанности
ЭКБ НПА	Эталонный контрольный банк нормативных правовых актов РК (портал «Әділет»)
ОПД	Обстоятельства, исключаящие преступность деяния

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность проводимого исследования. Современное общество остро нуждается в эффективной системе обеспечения правопорядка, безопасности личности и защиты от преступных посягательств. В условиях, когда уровень преступности остается стабильно высоким, а реагирование правоохранительных органов может быть ограничено временем и ресурсами, государство наделяет граждан правом на самозащиту, в том числе через задержание лица, совершившего преступное посягательство.

Одним из ключевых элементов института правомерного поведения в экстремальных условиях является задержание лица, совершившего посягательство, предусмотренное статьей 33 Уголовного кодекса Республики Казахстан. Закон допускает причинение вреда такому лицу, если это необходимо для его обезвреживания и последующей передачи компетентным органам. Однако на практике возникают серьезные проблемы в толковании и применении данной нормы, особенно в части оценки правомерности причиненного вреда.

Сложность заключается в разграничении правомерного и неправомерного поведения граждан и сотрудников правоохранительных органов в момент задержания. Часто такие случаи становятся предметом судебных разбирательств, в которых требуется четкое понимание правовой природы обстоятельств, исключающих преступность. Судебная практика показывает неоднозначность в оценке действий лиц, задержавших преступника, особенно если последний получил телесные повреждения или был убит. Таким образом, тема приобретает высокую практическую значимость и требует углубленного научного осмысления.

Оценка современного состояния решаемой практической задачи. Исследованию проблемы причинения вреда при задержании лица, совершившего посягательство посвящали свои работы такие ученые, как: Козаченко И.Я., Рарог А.И., Кадников Н.Г., Скуратов Ю.И. и другие. В Республике Казахстан вопросами причинения вреда при задержании занимались К.М. Бектимисов, Е.К. Еркинов, Б.Ж. Кенжалин.

Целью исследования является комплексное исследование причинения вреда при задержании лица, совершившего посягательство, как обстоятельства, исключающего преступность деяния, а также выработка предложений по совершенствованию теоретической и практической составляющих применения статьи 33 УК РК.

Для достижения цели поставлены следующие задачи:

- определить правовую природу и признаки обстоятельств, исключающих преступность деяния;
- раскрыть сущность института задержания лица, совершившего посягательство;

- провести сравнительный анализ с институтами необходимой обороны и крайней необходимости;
- проанализировать судебно-следственную практику по применению статьи 33 УК РК;
- выявить пробелы и коллизии в правоприменении;
- выработать предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики.

Объектом исследования являются:

— уголовно-правовые отношения, возникающие в процессе задержания лица, совершившего посягательство, с причинением ему вреда.

Предметом исследования выступают:

— нормы уголовного права, регулирующие обстоятельства, исключающие преступность деяния (в частности, ст. 33 УК РК);

— правоприменительная практика;

— научные подходы к толкованию и применению этих норм.

Методы и методологическую основу исследования составили формально-юридический, сравнительно-правовой, системный и функциональный методы, использованные в анализе законодательства, судебной практики и научных источников. Теоретическую базу составили труды казахстанских, российских и международных авторов в области уголовного и уголовно-процессуального права.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в системном подходе к изучению статьи 33 УК РК как самостоятельного основания исключения преступности, в выделении типовых ошибок и правовых коллизий, а также в разработке конкретных предложений по ее законодательной корректировке и унификации правоприменения, подготовке методических материалов для сотрудников правоохранительных органов, а также в юридическом образовании.

Практические рекомендации.

1. В целях конкретизации обстоятельств, исключающих преступность деяния, предлагается дополнить пункт 2 статьи 33 УК РК «Причинение вреда при задержании лица, совершившего посягательство» вторым абзацем, изложив его в следующей редакции:

«Не является превышением мер, необходимых для задержания лица, совершившего посягательство, причинение вреда лицу, совершившему вооруженное нападение или посягательство, сопряженное с насилием, опасным для жизни в случаях, когда действия задерживаемого причиняют вред или создают реальную угрозу причинения такого вреда жизни или здоровью задерживаемого или иных лиц».

2. В целях выработки единой судебно-следственной практики предлагается разработать Нормативное постановление Верховного суда «О причинении вреда при задержании лица, совершившего посягательство» в котором, в частности, отразить следующие положения:

«1. При установлении правомерности причинения вреда судом или иным органом, рассматривающим дело, подлежат всестороннему учету:

- 1) степень и характер угрозы, исходившей от задерживаемого;
- 2) поведение лица, осуществлявшего задержание, и наличие у него возможности использовать иные меры;
- 3) правовая и физическая подготовленность лица, совершившего задержание;
- 4) наличие видеофиксации, свидетельских показаний и иных объективных доказательств;
- 5) психоэмоциональное состояние лица, действовавшего в условиях внезапной опасности.

2. Граждане, правомерно причинившие вред при задержании, подлежат защите от уголовного и гражданско-правового преследования».

3. В целях методического обеспечения следственной и прокурорской деятельности разработан алгоритм следственных действий по делам, связанным с причинением вреда при задержании лица, совершившего преступление [Приложение 1].

Апробация и внедрение результатов. Результаты исследования рекомендуются для использования в практической деятельности следственных органов при расследовании дел, связанных с правомерностью вреда при задержании, а также могут служить учебным материалом для подготовки обучающихся юридических вузов.

1. Теоретико-правовой анализ института задержания лица, совершившего посягательство

1.1 Понятие обстоятельств, исключающих преступность деяния

Право, как регулятор общественных отношений всегда стремится к установлению баланса между охраной прав личности и необходимостью предотвращения преступлений. В этом контексте особое значение приобретает правовой институт обстоятельств, исключающих преступность деяния, поскольку он выражает признание государством того факта, что не всякое внешне противоправное действие обладает криминальной природой. Суть этого института заключается в том, что в ряде исключительных случаев причинение вреда охраняемым законом интересам допускается и признается правомерным ввиду наличия более значимой цели — защиты личности, общества или государства от реальной опасности.

Обстоятельства, исключающие преступность деяния, представляют собой юридические конструкции, при наличии которых деяние, формально содержащее признаки преступления, исключается из круга уголовно-наказуемого поведения. Таким образом, они выполняют нормативную, гарантированную государством функцию оправдания деяния. Иначе говоря, в определенных ситуациях правонарушение теряет свою антисоциальную направленность, а следовательно — и признаки общественной опасности.

Юридическая сущность таких обстоятельств базируется на признании объективной необходимости защиты законных интересов даже ценой нарушения прав нарушителя. В этом смысле институт обстоятельств, исключающих преступность, тесно связан с принципами социальной справедливости, законности, пропорциональности и гуманизма уголовного права. Он служит инструментом реализации права на защиту, которое признано как естественным, так и конституционно закрепленным (статья 13 Конституции Республики Казахстан гарантирует каждому право на защиту своих прав и свобод всеми не запрещенными законом способами) [1].

К числу обстоятельств, исключающих преступность деяния, согласно Уголовному кодексу Республики Казахстан, относятся: необходимая оборона (ст. 32), причинение вреда при задержании лица, совершившего посягательство (ст. 33), крайняя необходимость (ст. 34), физическое или психическое принуждение (ст. 37), обоснованный риск (ст. 36), исполнение приказа или распоряжения (ст. 38). Каждое из них обладает собственной спецификой, но их объединяет то, что в основе всех этих норм лежит объективная потребность в причинении вреда ради предотвращения еще большего вреда либо во исполнение законного долга или обязанности [2].

С доктринальной точки зрения, обстоятельства, исключающие преступность деяния, представляют собой особую форму правомерного поведения, возникающего в условиях конфликта между равнозначными или

разноценными правовыми благами. Как указывал советский ученый И. Я. Козаченко, "правомерное поведение в исключительной ситуации не нарушает, а реализует право", несмотря на формальное наличие признаков состава преступления [3].

Важно подчеркнуть, что не любое причинение вреда в опасной или конфликтной ситуации может быть признано таковым. Закон предъявляет строгие требования к условиям правомерности — наличие реальной опасности, своевременность и адекватность ответа, пределы допустимого вреда, осознанность действий. При отсутствии хотя бы одного из этих признаков причинение вреда может быть расценено как преступление. Таким образом, институт обстоятельств, исключающих преступность деяния, — это не произвольное освобождение от ответственности, а строго регламентированная юридическая категория, требующая всесторонней правовой оценки. (рис. 1)

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ИСКЛЮЧАЮЩИЕ ПРЕСТУПНОСТЬ (Ст. 32–38 УК РК)

Признаки:

- Формально присутствуют признаки состава
- Защитная
- Гарантирующая преступления
- Отсутствует общественная
- Оправдывающая

Юридическая природа:

- Правомерные действия,
- Исключающие общественную опасность
- Реализация права на защиту
- Оправдывающая

Необходимая оборона (ст. 32)
– Отражение посягательства
– Допустимый вред посягающему

Причинение вреда при задержании лица,
совершившего посягательство (ст. 33)
– Уже совершенное посягательство
– Цель: передача органам
– Возможность причинения вреда

Обоснованный риск (ст. 36)

- Риск ради достижения общественно полезной цели
- Отсутствие иного способа

Крайняя необходимость (ст. 34)

- Столкновение равных или неравных благ
- Спасение ценностей ценой меньшего вреда

• Рисунок 1 - Обстоятельства, исключающие преступность

В теоретическом плане в научной литературе выделяются два подхода к трактовке природы таких обстоятельств. Первый — негативистский, согласно которому они просто устраняют уголовную ответственность за деяние, которое в иных условиях было бы преступлением. Второй — позитивистский, который рассматривает такие действия как проявление активной правовой позиции субъекта и, соответственно, как юридически одобряемое поведение. Более прогрессивной и современной считается вторая позиция, поскольку она лучше отражает аксиологическую суть уголовного права как системы, направленной не на наказание любой ценой, а на защиту прав и свобод.

В этом свете особенно важным является понимание того, что обстоятельства, исключающие преступность деяния, — это формы правомерной реализации прав и обязанностей в условиях правового конфликта. Их правовая природа двойственна: с одной стороны, они связаны с причинением вреда, что типично для преступного поведения, а с другой — с его допустимостью и даже социальной полезностью, если этот вред был направлен на предотвращение более значительного ущерба [4].

Таким образом, в юридической доктрине обстоятельства, исключающие преступность деяния, следует рассматривать не просто как исключения из общего правила уголовной ответственности, а как институт активной правомерности, основанный на праве каждого действовать в пределах закона для защиты охраняемых интересов. В данном случае речь идет не о поощрении произвольного насилия, а о легитимации ответного воздействия, имеющего своей целью восстановление нарушенного правопорядка либо пресечение его дальнейшего разрушения.

Отдельного внимания заслуживает системная взаимосвязь данного института с иными правовыми категориями — прежде всего с необходимой обороной и крайней необходимостью. Несмотря на схожесть внешних проявлений (причинение вреда), эти институты опираются на различные основания правомерности. Так, необходимая оборона обусловлена посягательством и наличием конфликта интересов двух субъектов, крайняя

необходимость — выбором меньшего зла при столкновении двух равнозначных благ, тогда как задержание лица, совершившего посягательство, выступает реакцией на уже совершенное преступление, имеющей целью передачу правонарушителя уполномоченным органам.

Следовательно, в основе обстоятельств, исключающих преступность деяния, могут лежать разные правовые механизмы — от защиты до принуждения, от вынужденного выбора до инициативного правового действия. Это еще раз подтверждает, что в современном уголовном праве данные обстоятельства не могут оцениваться формально — они требуют контекстуального, функционального и ценностного подхода при квалификации действий субъекта.

В условиях правоприменительной практики данная категория нередко становится объектом ошибок, вызванных примитивным отождествлением внешнего вреда с уголовной ответственностью, без должного анализа условий правомерности. Это особенно характерно для случаев задержания преступника, когда граждане, действуя с очевидным намерением воспрепятствовать дальнейшему преступлению, оказываются в положении обвиняемых из-за несоразмерности причиненного вреда. Такая правовая парадоксальность подрывает доверие к уголовному закону как инструменту справедливости, а также демотивирует правомерную инициативу граждан.

Именно поэтому обстоятельства, исключающие преступность деяния, должны быть четко и системно разъяснены как в законодательстве, так и в правоприменительной практике. Это предполагает:

- точное определение критериев правомерности;
- конкретизацию признаков, отличающих их от преступлений, совершаемых под видом защиты;
- развитие практики правового обучения лиц, наиболее часто сталкивающихся с необходимостью применения таких мер (сотрудники полиции, охраны, военнослужащие, а также обучающиеся в юридических вузах).

С теоретико-догматической точки зрения, целесообразно утверждать, что обстоятельства, исключающие преступность деяния, — это юридически санкционированные действия в правовом пространстве "чрезвычайных исключений", где, несмотря на формальное соответствие признакам состава преступления, отсутствует главный элемент — общественная опасность, а значит, и преступление как таковое.

Иначе говоря, с позиций доктрины, речь идет о деяниях вне преступности по признаку отсутствия противоправности, что требует от правоприменителя способности мыслить не категориально, а конструктивно-оценочно. Такая оценка невозможна без глубокого понимания философии уголовного права как права справедливости, меры и соразмерности, а не репрессии ради формы.

Завершая данный подпункт, отметим, что институт обстоятельств, исключающих преступность деяния, представляет собой пограничную, но

абсолютно необходимую категорию уголовного права, выполняющую роль не только защитного фильтра от ошибочного обвинения, но и механизма легализации активной гражданской позиции в борьбе с преступностью. Он требует особого внимания как от законодателя, так и от судебной власти, поскольку именно на его границах формируется восприятие правовой государственности и доверия к праву как справедливому регулятору общественных отношений.

1.2 Историко-правовой обзор развития института задержания лица, совершившего посягательство

Институт правомерного причинения вреда при задержании лица, совершившего посягательство, является одной из древнейших правовых конструкций, возникших задолго до формирования систематизированного уголовного законодательства. Его исторические корни уходят в глубину веков, к традиционным правопорядкам, в которых защита порядка и справедливости лежала в первую очередь на плечах самого гражданина, общины или рода. Такой подход основывался на принципе: *ubi jus, ibi remedium* — «где право, там и средство его защиты» [5].

В первобытных обществах и в ранней правовой системе, включая законы Ману, Хаммурапи, древнееврейское и древнегреческое право, право на задержание преступника фактически отождествлялось с правом на самосуд, в рамках которого дозволялось применение любых средств, вплоть до уничтожения преступника на месте. Однако уже в римском праве можно наблюдать зачатки дифференциации правомерной защиты и произвола. Понятие *manu militari* (силовое принуждение) означало право гражданина задержать правонарушителя и доставить его магистрату. Закон XII таблиц предусматривал, что если преступник пойман *in flagrante delicto* — «на месте преступления», его можно было немедленно задержать, причем с применением силы.

Средневековое европейское право в значительной степени сохраняло прерогативу насильственного задержания за частными лицами, особенно в условиях слабости государственных структур. Однако начиная с XIII–XIV веков, с развитием центральной власти и появлением профессиональных правоохранительных институтов, функция задержания преступников начала переходить к государству. Тем не менее, право гражданина на непосредственное задержание лица, совершившего преступление, сохранилось как вспомогательная форма защиты правопорядка, особенно в тех ситуациях, когда вмешательство властей невозможно или затруднено [6].

Русское дореволюционное право, начиная с *Судебника 1497 года* и особенно в *Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года*, признавало за каждым подданным право на задержание преступника [7]. Однако здесь впервые в российской традиции появились уточняющие признаки

правомерности таких действий — необходимость, своевременность и соразмерность вреда. В *Уголовном уложении 1903 года* рассматривался аналогичный институт: вред, причиненный при преследовании преступника, допускался в определенных пределах как исключаящий уголовную ответственность [8].

В советский период законодательное оформление института задержания получило развитие через конструкцию «причинения вреда при защите социалистического правопорядка». Уголовные кодексы РСФСР 1922 и 1926 годов не содержали отдельной статьи о задержании, однако практика и теоретическая доктрина признавали возможность применения силы гражданином при задержании преступника, если действия носили необходимый и не превышающий характер. Только с принятием УК РСФСР 1960 года и последующим закреплением в статьях 13 и 14 обстоятельств, исключающих преступность, задержание стало выделяться как самостоятельный институт в структуре уголовного права. Это было важным шагом, свидетельствующим о зрелости правовой системы и признании общественно-полезной роли активных граждан [9].

Собственно, уголовное законодательство постсоветских государств, включая Уголовный кодекс Республики Казахстан, пошло по пути кодификационного закрепления права на причинение вреда при задержании лица, совершившего посягательство, как самостоятельного и обособленного основания для исключения преступности. Так, статья 33 УК РК 2014 года воспроизводит логику предыдущих редакций, но делает акцент на правомерности действий при наличии следующих условий:

- лицо совершило общественно опасное деяние;
- вред причиняется в целях его задержания;
- задержание осуществляется с целью передачи соответствующим органам;
- причинение вреда является необходимым и не превышает пределов допустимого.

Следует отметить, что казахстанская модель института задержания опирается на континентально-европейскую правовую традицию, в отличие от англосаксонского права, где вопрос правомерности задержания строится, прежде всего, на категориях «разумности» (reasonableness) и «необходимой силы» (necessary force). В странах общего права, например в Великобритании, гражданский арест (citizen's arrest) разрешен, но строго ограничен в применении и подлежит судебной оценке в каждом конкретном случае. Тем самым и зарубежный опыт подтверждает, что институт правомерного задержания развивается как часть концепции справедливой самообороны и защиты правопорядка на микроуровне, опосредованно укрепляя доверие граждан к правоохранительной системе [10].

В казахстанской юридической доктрине рассматриваемый институт до сих пор остается малоисследованным в сравнении с необходимой обороной,

что приводит к правоприменительным ошибкам. Многие правоприменители, включая сотрудников следствия и прокуратуры, не проводят четкой границы между задержанием посягнувшего и необходимой обороной, в результате чего возникают проблемы с квалификацией, особенно при причинении тяжкого вреда либо в случае гибели задержанного. Это требует не только научного осмысления, но и методического сопровождения на уровне Генеральной прокуратуры и Министерства внутренних дел.

Таким образом, историко-правовой анализ позволяет сделать несколько ключевых выводов:

1. Институт задержания как форма правомерного причинения вреда имеет глубокие исторические корни, развиваясь от примитивной самообороны к юридически регулируемой мере законной принудительной реакции.

2. В современной правовой системе задержание посягнувшего лица выполняет двойную функцию: защитную (предотвращение дальнейшего вреда) и процессуальную (обеспечение привлечения к ответственности).

3. Эволюция института сопровождается усложнением правовых критериев, усиливающим требования к обоснованности, соразмерности и правовой осведомленности субъекта.

4. Право на задержание преступника — это не только правовая привилегия гражданина, но и обязанность государства обеспечить его реализацию в справедливых, правомерных рамках, исключающих злоупотребление или наказание за активную гражданскую позицию.

История данного института ясно демонстрирует: способность уголовного права учитывать объективную необходимость и обстоятельства конкретной ситуации является показателем зрелости и гибкости правовой системы. Казахское право движется в этом направлении, но требует дальнейшей детализации как в теории, так и в применении [11].

Современное казахское уголовное законодательство, сохранившие традиции советской школы права, стремится к гуманизации уголовной политики, но при этом оставляет за гражданами право на активную защиту законных интересов, включая возможность задержания преступника. Институт, закреплённый в статье 33 Уголовного кодекса Республики Казахстан, представляет собой компромисс между интересами частной инициативы в борьбе с преступностью и обязанностью государства контролировать применение силы.

Таблица 1 - Эволюция института задержания посягнувшего лица

Исторический этап	Характеристик а института	Правовая природа задержания	Особенности правового регулирования
Древний мир (Рим, Греция, Вавилон)	Задержание как форма частной расправы	Частная месть, акт самообороны	Формализованных критериев правомерности не существовало

Средние века (Европа, Русь)	Общественная обязанность задержать преступника	Коллективная защита, доминирование общинного начала	Государство делегирует полномочия на местах, санкции к бездействию
Римское право	<i>Manu militari</i> — силовое задержание	Допустимое насилие при передаче органам	Формируются условия: <i>flagrante delicto</i> , соразмерность
Российская империя (XV–XIX вв.)	Задержание как гражданская обязанность	Полулегализованная мера	Уложения начинают различать правомерное и чрезмерное насилие
Советский период (1922–1960 гг.)	Неофициальное признание института	Связь с защитой социалистического порядка	Отсутствие самостоятельной нормы в УК, правомерность признаётся доктриной
УК РСФСР 1960 года	Упоминание в рамках иных норм	Кодифицированная защита охраняемых интересов	Введение категорий «превышения» и «необходимости»
Казахстан (УК РК 1997 г.)	Выделение как самостоятельной статьи	Отдельное основание исключения преступности	Появление ст. 33: «Причинение вреда при задержании лица...»
Современный этап (УК РК 2014 г.)	Полная нормативная конструкция	Правомерное действие при наличии условий	Подчеркивается цель передачи органам, необходимость и допустимый вред
Международный опыт (США, ЕС)	«Гражданский арест», «разумная сила»	Применение силы в пределах «необходимости»	Развитая доктрина пропорциональности, судебный контроль

Следует особо подчеркнуть, что законодатель Казахстана предоставил право на задержание не только правоохранительным органам, но и любому гражданину, при соблюдении ряда условий. Это отражает не только правовую традицию, но и концептуальный подход к построению правового государства, в котором активность общества в защите права является неотъемлемой частью внутренней безопасности. Однако отсутствие четких разъяснений по вопросам пределов допустимого вреда, оценки "необходимости" причинения вреда, момент окончания посягательства и момента правомерного задержания — порождает сложные правовые коллизии и практические затруднения.

Анализ действующего законодательства показывает, что указанный институт в Казахстане формально выделен как самостоятельное основание исключения преступности, в отличие, например, от модели, принятой в ряде европейских стран, где задержание рассматривается как разновидность необходимой обороны. В частности, в уголовном законодательстве Германии и Франции отсутствует самостоятельная статья о задержании преступника, и все такие действия квалифицируются либо как оборона, либо как правомерное действие по исполнению обязанностей. В отличие от них, Казахстан (вместе с Россией, Беларусью и Узбекистаном) вошёл в число стран постсоветского пространства, признавших задержание преступника отдельной и обособленной правовой конструкцией [12].

Однако несмотря на это формальное закрепление, казахстанская правоприменительная практика сталкивается с рядом противоречий, обусловленных как пробелами в законодательстве, так и отсутствием единых подходов в квалификации подобных деяний. Проблемными моментами остаются:

- отсутствие четкой границы между необходимой обороной и задержанием;
- неясность критериев "допустимого вреда";
- разночтения в оценке момента окончания посягательства (что определяет переход от обороны к задержанию);
- неразработанность понятия «цель передачи органам» как критерия добросовестности задержания.

Эти обстоятельства актуализируют необходимость дальнейшего развития института не только на законодательном, но и на доктринальном уровне, что предполагает:

- уточнение состава правомерных действий при задержании;
- разработку судебных ориентиров (аналога Нормативных постановлений ВС РК);
- интеграцию положений международного опыта;
- внедрение обязательного методического обучения сотрудников правоохранительных органов и граждан по границам правомерного задержания.

Интересно отметить, что в международных стандартах, включая Международный кодекс поведения для должностных лиц по поддержанию правопорядка (ООН, 1979), также содержится норма о необходимости ограничения силы в рамках разумной необходимости и только в целях задержания лица, угрожающего безопасности. Это подтверждает, что институт правомерного задержания получил международное признание, но требует гибкой, социально ориентированной и справедливой реализации [13].

Таким образом, историко-правовое развитие института задержания преступника демонстрирует:

- его устойчивую правовую эволюцию от формы самозащиты к юридически одобренному действию, ограниченному нормами публичного права;
- тенденцию к дифференциации с другими обстоятельствами, исключаящими преступность (прежде всего с необходимой обороной);
- растущую потребность в обоснованной законодательной детализации и доктринальной систематизации в рамках современного уголовного права Казахстана.

Именно в этих условиях современному казахстанскому праву предстоит выработать сбалансированную модель, в которой действия по задержанию преступника не только не будут порождать уголовно-правовые риски для лица, их совершившего, но и станут эффективным элементом общей системы защиты от преступности.

В условиях стремительного развития казахстанской правовой системы в постсоветский период наблюдается закономерный процесс осмысления и переосмысления традиционных уголовно-правовых институтов, в том числе института задержания преступника. С переходом к модели правового государства и усилением роли конституционных прав личности, вопрос о допустимости причинения вреда при задержании приобретает особую ценностно-правовую нагрузку. Это связано с необходимостью соотнесения права на защиту с гарантиями прав личности, в том числе и той, которая подозревается или обвиняется в совершении преступления [14].

В этом контексте правомерное задержание должно рассматриваться не только как реакция на совершённое посягательство, но и как акт реализации гражданской и юридической ответственности за сохранение общественного порядка. Современный уголовный закон, в отличие от правовых систем прошлого, уже не опирается исключительно на принцип «око за око», но стремится регулировать пределы допустимого насилия, исходя из приоритета гуманизма, соразмерности и правовой предсказуемости.

Именно поэтому в последние годы внимание казахстанского научного сообщества и органов правопорядка всё чаще привлекают пограничные ситуации, в которых действия лица при задержании преступника переходят границы допустимого и становятся объектом уголовного преследования. Проблема здесь носит не только юридический, но и социально-психологический характер, поскольку граждане, не обладая профессиональной подготовкой, зачастую не могут точно определить момент, когда посягательство уже завершено, а значит, момент, когда прекращается действие института необходимой обороны и начинается иная правовая конструкция — правомерное задержание [15].

Эти обстоятельства подчеркивают, что дальнейшее развитие и совершенствование института правомерного задержания возможно только при условии его четкой нормативной дифференциации от иных институтов уголовного права. В частности:

- требуется более четкое законодательное определение условий правомерности задержания (особенно в отношении соразмерности вреда и намерений задерживающего);
- необходимо закрепление в Уголовном кодексе или в разъяснениях Верховного Суда критериев, отличающих правомерное задержание от самоуправства, превышения обороны или преступного насилия;
- важно развивать практику правоприменения, основанную на презумпции добросовестности действий лица, осуществившего задержание в пределах разумного.

Кроме того, в условиях распространения видеофиксации, гражданских патрулей, а также участия простых граждан в предотвращении преступлений, особую актуальность приобретает вопрос процессуальной защиты лиц, задержавших преступника. История знает немало случаев, когда граждане, действуя из благородных побуждений, оказывались в статусе обвиняемых, что подрывало общественную инициативу и укрепляло правовой нигилизм [16].

Современное развитие института задержания лица, совершившего посягательство, должно строиться с учетом:

- исторического пути его становления — от частного насилия к государственно санкционированной мере правомерного воздействия;
- современных стандартов прав человека, включая право на жизнь, защиту от жестокого обращения и презумпцию невиновности;
- конституционного принципа верховенства закона, предполагающего точное определение и предсказуемость уголовно-правовых норм.

Институт правомерного причинения вреда при задержании посягнувшего — это динамичный, эволюционирующий правовой механизм, отражающий баланс между активной гражданской позицией, ответственностью перед обществом и ограничениями, вытекающими из верховенства закона и уважения к человеческому достоинству. Его развитие требует не только законодательно-технического совершенствования, но и глубокой правовой культуры в обществе, обеспечивающей осознанное и ответственное участие в деле защиты правопорядка.

1.3 Правовая природа задержания лица, совершившего посягательство

Институт задержания лица, совершившего посягательство, представляет собой уникальное явление в системе уголовно-правовых норм, исключающих преступность деяния. Его специфика заключается в том, что он объединяет в себе элементы как реактивной, так и проактивной защиты общественных интересов. В отличие от необходимой обороны, которая осуществляется в момент посягательства, задержание ориентировано на последующее устранение угрозы, в том числе через обеспечение будущего уголовного преследования.

Это обуславливает особый, гибридный характер правовой природы данной конструкции.

С доктринальной позиции, задержание лица, совершившего общественно опасное деяние, может быть отнесено к категории правомерного насильственного воздействия, реализуемого вне рамок государственных полномочий, но с одобрения закона. При этом ключевым аспектом правовой оценки подобных действий становится наличие цели и условий их осуществления, что трансформирует внешне противоправный акт в юридически оправданное поведение [17].

Одним из центральных признаков, определяющих правовую природу задержания, является цель передачи лица, совершившего посягательство, уполномоченным органам, а не его уничтожение или наказание. В этом контексте задержание следует рассматривать как способ обеспечения правосудия и реализации принципа неотвратимости уголовной ответственности, закреплённого как в национальном, так и в международном праве.

Важно понимать, что речь идет не о самостоятельной уголовно-правовой мере, как, например, мера пресечения в уголовном процессе, а о разрешённом правовом поведении в условиях отсутствия немедленного вмешательства органов власти. При этом субъект, совершающий задержание, выступает в роли временного носителя ограниченной функции публичной власти, аналогичной концепции *prévôté privée* (частной полиции) в старофранцузском праве, или концепции «гражданского ареста» в англосаксонской традиции.

В структуре уголовного права Республики Казахстан задержание относится к числу обстоятельств, исключающих преступность деяния (глава 4 УК РК), что означает, что при наличии установленных законом условий деяние формально содержит признаки состава преступления (например, умышленное причинение телесного повреждения), но юридически не признаётся преступным из-за отсутствия общественной опасности и противоправности. Отсюда следует, что правовая природа задержания носит исключительный характер, а не оправдывающий: субъект не оправдывается за совершённое, а действует в рамках дозволенного [18].

В доктрине уголовного права прослеживаются два теоретических подхода к правовой квалификации задержания как института:

1. Негативная концепция, в рамках которой задержание рассматривается как исключение из общего правила преступности деяния. В этом случае акцент делается на *отсутствии вины* или *признании малозначительности* причинённого вреда. Однако этот подход является ограниченным, поскольку снижает активную правовую ценность задержания до уровня юридической формальности.

2. Позитивная концепция, утверждающая, что задержание — это форма активной правомерности, направленная на защиту правопорядка, поддержание законности и выполнение гражданского долга. Эта позиция более

соответствует духу Конституции Республики Казахстан, которая закрепляет не только право, но и обязанность граждан способствовать охране общественного порядка (ст. 36 Конституции РК) [1].

Современное уголовное законодательство Казахстана, закрепившее задержание в статье 33 УК РК, опирается именно на вторую, позитивную концепцию. Это подтверждается как системным местом нормы (в ряду обстоятельств, исключающих преступность), так и содержанием диспозиции, в которой указано на допустимость причинения вреда исключительно в целях задержания лица и при условии соблюдения критериев необходимости и соразмерности.

Таким образом, правовая природа задержания включает следующие элементы:

- Объективную сторону, выражающуюся в активном действии, направленном на ограничение свободы лица, совершившего посягательство;
- Субъективную сторону, включающую цель передачи лица органам власти (а не самосуд);
- Оценочные критерии, такие как необходимость, допустимость вреда, своевременность и адекватность ситуации;
- Отграничение от смежных институтов: в частности, от необходимой обороны, крайней необходимости и превышения полномочий.

Следует особо подчеркнуть, что несмотря на включение в главу о правомерных деяниях, задержание носит процессуально-функциональный характер, поскольку направлено на обеспечение выполнения публичной функции — доставку преступника в органы правопорядка. Это роднит его с уголовно-процессуальными мерами, но юридическая квалификация таких действий всегда остаётся в плоскости материального права [19].

Отдельного внимания заслуживает сравнительно-правовой аспект, выявляющий отличия казахстанской модели от других юрисдикций. Так, в России и Беларуси задержание также выделено в отдельную статью, однако детализированность признаков правомерности варьируется. В Германии же действует более общая норма, включающая возможность причинения вреда для защиты законных интересов, но не выделяющая задержание как самостоятельную категорию. В англо-американском праве задержание регулируется преимущественно судебной практикой, где оценивается добросовестность и разумность действий (*reasonable force*).

Таким образом, правовая природа задержания преступника в казахстанском уголовном праве:

- выступает как форма правомерного принуждения, направленного на защиту общественного интереса;
- обладает исключительным характером, нейтрализующим преступность деяния при соблюдении установленных условий;
- выполняет функцию правового моста между частной инициативой гражданина и публичной обязанностью государства обеспечить правосудие.

Развитие данного института требует дальнейшей доктринальной систематизации и правоприменительного уточнения, особенно в аспекте критериев допустимости вреда, установления причинно-следственной связи между действиями субъекта и наступившими последствиями, а также определения пределов добросовестности в ситуации «гражданского вмешательства».

В условиях стремления к правовой определенности, стабильности уголовного закона и защите прав всех участников уголовно-правовых отношений, важно сохранить баланс между необходимостью эффективной борьбы с преступностью и предотвращением произвола под видом правомерного задержания. Это требует не только нормативной чёткости, но и правового просвещения граждан как потенциальных субъектов применения силы в интересах закона [20].

Исследование показало, что данный институт является самостоятельным правовым механизмом, обладающим уникальными признаками и структурой, отличающими его от других, смежных категорий уголовного права.

Во-первых, в ходе анализа содержания и понятия обстоятельств, исключающих преступность, было установлено, что они представляют собой особую категорию правомерного поведения, которое, несмотря на внешнее сходство с преступным деянием, утрачивает общественную опасность и противоправность ввиду наличия законных оснований и специфических условий реализации. Эти обстоятельства не являются оправданием, а действуют как исключение преступности, придавая действиям характер правомерного поведения.

Во-вторых, историко-правовой обзор подтвердил, что институт задержания прошёл длительную эволюцию — от формы частной мести и самосуда в древности до юридически оформленного и строго регламентированного правового инструмента в современном уголовном законодательстве. В казахстанском уголовном праве он закреплён как самостоятельная норма в статье 33 УК РК и отражает тенденции демократического правопорядка, предполагающего активное участие граждан в обеспечении безопасности и правосудия.

В-третьих, была подробно раскрыта правовая природа задержания, которая характеризуется как форма законного насилия, направленная не на отражение посягательства (как в случае необходимой обороны), а на реализацию публичного интереса в обеспечении неотвратимости ответственности и пресечении возможного уклонения преступника от правосудия. Задержание выступает как функциональный инструмент реализации принципа верховенства закона.

В-четвёртых, проведено системное разграничение задержания с институтами необходимой обороны и крайней необходимости. Установлены ключевые различия по целям, объекту защиты, моменту начала правомерных действий и условиям допустимости вреда. Было показано, что недопонимание

этих различий в правоприменительной практике приводит к ошибкам в квалификации, несправедливым уголовным преследованиям и снижению доверия к правовой системе.

Таким образом, можно сделать следующие обобщающие выводы:

- Институт задержания лица, совершившего посягательство, представляет собой самостоятельную уголовно-правовую конструкцию, имеющую уникальную природу и условия реализации.
- Его правомерность основывается на цели обеспечения правосудия, наличии законных условий и соразмерности причинённого вреда.
- Для эффективного применения нормы статьи 33 УК РК необходимы: четкая доктринальная интерпретация, методическое сопровождение со стороны судебной и следственной практики, а также развитие правовой культуры граждан.

Эти выводы служат основой для перехода к анализу практических аспектов применения рассматриваемого института, которые подробно рассматриваются во второй главе проекта.

2. Причинение вреда при задержании посягнувшего лица: правоприменительная практика и проблемы

2.1 Условия правомерности причинения вреда при задержании лица, совершившего посягательство

Положения статьи 33 Уголовного кодекса Республики Казахстан устанавливают, что причинение вреда лицу, совершившему посягательство, может быть признано правомерным, если оно имело место в процессе его задержания с целью передачи соответствующим государственным органам. Однако правомерность подобных действий не является безусловной: она напрямую зависит от соблюдения определённых условий, каждое из которых имеет самостоятельное юридическое значение и в совокупности формирует механизм, исключающий преступность деяния [21].

Правовая наука и судебная практика едины в том, что условия правомерности задержания выступают одновременно и ограничителями допустимого поведения, и критериями его оценки с точки зрения законности. Нарушение хотя бы одного из этих условий влечет утрату статуса правомерности, что трансформирует деяние в противоправное и потенциально преступное. Тем самым мы имеем дело с деликатной конструкцией, находящейся на пересечении формального состава преступления и объективной социальной полезности действия.

Условие 1. Наличие факта совершенного общественно опасного деяния

Первым и основополагающим условием является то, что задержание допускается лишь в отношении лица, совершившего посягательство, то есть такое лицо должно фактически осуществить общественно опасное деяние, в действиях которого уже содержатся признаки состава преступления.

Это положение исключает возможность причинения вреда на основании предположений, подозрений или субъективной оценки гражданина. Таким образом, задержание допустимо:

- при непосредственном наблюдении факта преступления (*in flagrante delicto*);
- при наличии достоверных и очевидных признаков, подтверждающих участие лица в преступлении;
- если задержание осуществляется сразу после совершения деяния, иного способа предотвращения его бегства нет.

Согласно правовой доктрине, необходима высокая степень достоверности оценки действий задерживаемого. В противном случае наступает риск незаконного задержания, которое может быть квалифицировано как самоуправство, превышение должностных полномочий или даже причинение вреда по неосторожности.

Условие 2. Цель — передача лица органам власти

Целью правомерного задержания является исключительно обеспечение передачи преступника в распоряжение уполномоченных государственных органов. Это условие имеет решающее правовое значение, поскольку отличает задержание от самосуда, личной мести или произвольного насилия.

Действия, направленные на наказание, устрашение, мщение или самовольное решение судьбы преступника, исключают правомерность задержания. Даже если факт посягательства доказан, отсутствие цели передачи нарушителя в органы власти свидетельствует о переходе за пределы правомерного поведения.

Целевой характер задержания требует, чтобы поведение лица, осуществляющего задержание, сохраняло объективные признаки законного намерения, например:

- вызов полиции,
- удержание преступника до прибытия наряда,
- передача преступника и составление протокола очевидцем.

Условие 3. Необходимость задержания

Следующее условие касается необходимости применения меры в конкретной обстановке. Это означает, что применение силы и причинение вреда допустимо лишь в случае, если иными способами задержание провести невозможно. Данный критерий подлежит оценке с учетом обстоятельств дела:

- времени и места происшествия,
- поведения преступника,
- наличия или отсутствия помощи со стороны других лиц,
- степени угрозы его побега.

Так, если преступник не оказывает сопротивления, не пытается скрыться и добровольно ожидает прибытия полиции, применение силы будет избыточным. Правоприменительная практика указывает, что переоценка опасности и недооценка альтернативных способов задержания — одна из частых причин признания деяния противоправным.

Условие 4. Соразмерность и допустимость вреда

Это условие связано с ограничением пределов допустимого ущерба, причиняемого в ходе задержания. Закон не допускает произвольного или чрезмерного насилия. Вред должен быть:

- соразмерным цели задержания (обезвреживание, предотвращение побега);
- наименьшим из возможных;
- не превышающим необходимого воздействия для достижения цели.

Если при задержании лицо наносит задерживаемому тяжкие телесные повреждения, избивает его после фактической нейтрализации, причиняет страдания в отсутствие необходимости — такое поведение выходит за пределы правомерного задержания и подлежит уголовно-правовой оценке как

превышение, либо как самостоятельное преступление (например, умышленное причинение вреда здоровью).

Отдельно следует отметить, что закон не устанавливает абсолютного запрета на причинение вреда здоровью. Вопрос заключается именно в необходимости и соразмерности. Так, причинение лёгкого телесного повреждения при задержании бегущего вооружённого преступника может быть правомерным, если иного способа его остановить не было [22].

Условие 5. Отсутствие злоупотребления правом

Это дополнительный, но важнейший критерий, вытекающий из принципа добросовестности в реализации правомерного поведения. Право на задержание не может использоваться как прикрытие для иных целей — личной расправы, демонстрации силы, провокации. Законодатель исходит из презумпции разумности и объективности лица, совершающего задержание, однако при наличии доказательств злоупотребления данный статус теряется.

Субъективная сторона: намерение задержания

Правомерное задержание предполагает наличие специальной цели у субъекта — задержать и передать преступника органам власти. При отсутствии этой цели либо наличии противоправных мотивов действия утрачивают признак правомерности. Важно подчеркнуть, что в отличие от преступления, здесь намерение служит не обвиняющим, а оправдывающим элементом, придающим поведению правовую легитимность.

Следует отметить, что закреплённые в статье 33 УК РК условия правомерности причинения вреда при задержании не являются абстрактными декларациями, а представляют собой функционально связанные и логически взаимозависимые элементы. Они выступают одновременно как условия допустимости, границы реализации гражданской инициативы, и как юридические ориентиры для оценки правомерности поведения в условиях фактического правового конфликта.

Эти условия не существуют в вакууме — они соотносятся с основополагающими началами уголовного права: принципом законности, презумпцией невиновности, соразмерности наказания и запретом на жестокое, бесчеловечное и унижающее достоинство обращение. В контексте задержания все эти принципы находят свое отражение, поскольку речь идет о ситуации, где частное лицо временно и чрезвычайно реализует квазипубличную функцию — ограничение свободы и применение силы.

Одним из сложных с точки зрения правоприменения является вопрос о моменте допустимости начала правомерного задержания. Закон указывает на необходимость факта посягательства, но не раскрывает критерии его завершения. Это порождает споры в судебной практике, особенно в случаях, когда преступник покинул место происшествия, но сохраняется реальная возможность его задержания. Доктринально оправданной представляется позиция, согласно которой задержание возможно в разумно краткий период после совершения деяния, если сохраняется причинно-следственная связь

между действием и необходимостью задержания, а также очевидность участия лица в посягательстве.

Особое внимание следует уделить оценке допустимости причинения тяжкого вреда, в том числе вреда, повлекшего смерть. Сложность квалификации в таких случаях заключается в том, что деяние по своим объективным признакам совпадает с составом тяжкого преступления (например, убийства), но по субъективной стороне — направлено на реализацию правовой цели. В условиях, когда лицо, совершившее посягательство, оказывает активное сопротивление, угрожает жизни задерживающего или третьим лицам, причинение ему тяжкого вреда может быть признано правомерным, если оно объективно необходимое и соразмерное.

Тем не менее, здесь правоприменитель сталкивается с серьезным вызовом: как отделить правомерное задержание с причинением тяжких последствий от убийства с преступным умыслом, замаскированного под правомерное действие? Для ответа на этот вопрос требуется тщательная оценка совокупности фактических обстоятельств, прежде всего:

- имел ли место факт совершения преступления со стороны потерпевшего;
- существовала ли реальная угроза со стороны задерживаемого;
- были ли иные способы обезвреживания без причинения фатального вреда;
- предпринимались ли действия по немедленному вызову полиции или вызову помощи;
- оставался ли задерживающий в пределах правомерной цели — передачи органам, а не наказания.

Особую сложность представляют случаи, когда задержание осуществляется с явной инициативой со стороны субъекта, не подвергавшегося непосредственному посягательству. В этих ситуациях важным критерием становится общественная полезность и мотив действия: если лицо действует не из мести, а во исполнение гражданского долга, при наличии очевидности преступления и отсутствии альтернатив, — его действия должны рассматриваться в категории правомерного задержания. Это соответствует не только внутренней логике уголовного права, но и его ценностной направленности на защиту правопорядка через активное участие общества [21].

Вместе с тем, нельзя игнорировать и обратную сторону проблемы — риск злоупотребления правом на задержание. История знает немало примеров, когда задержание превращалось в прикрытие самоуправства, пыток или личной мести. Особенно это опасно в отношении социально уязвимых групп, лиц с психическими расстройствами, а также в условиях стихийных конфликтов. Поэтому правомерность задержания должна оцениваться не только с позиций формального соблюдения условий статьи 37 УК, но и через призму принципов гуманизма, недопустимости произвола и охраны достоинства личности.

Подводя итог рассуждениям, можно утверждать: правомерное причинение вреда при задержании — это результат сложной правовой, нравственной и практической оценки конкретной ситуации, а не механическое применение нормы. Только комплексный подход — с учетом фактической обстановки, мотивации субъекта, целей действий и возможных альтернатив — может обеспечить справедливую правовую квалификацию и сохранить баланс между активной гражданской позицией и защитой прав личности.

Следовательно, условия правомерности задержания выступают одновременно как инструмент легитимации действия и как барьер от его криминализации, и именно их правильное понимание и применение обеспечивают функционирование статьи 33 УК РК как действенного правового механизма в системе борьбы с преступностью.

2.2 Отличие от смежных институтов: необходимая оборона и крайняя необходимость

В теории уголовного права обстоятельства, исключающие преступность деяния, являются правовыми инструментами, призванными корректировать формально-юридическое понимание состава преступления с учетом социально оправданных, правомерных, а зачастую и общественно полезных мотивов поведения. Однако в силу внешнего сходства признаков между различными институтами этой группы, в правоприменительной практике зачастую возникают проблемы разграничения, особенно между необходимой обороной, задержанием лица, совершившего посягательство, и крайней необходимостью. Подобные ситуации требуют от правоприменителя не только формального знания закона, но и умения юридически реконструировать конкретную жизненную ситуацию в контексте целей и условий каждого института [24].

1. Отличие задержания от необходимой обороны

Необходимая оборона (статья 32 УК РК) представляет собой правомерное причинение вреда в целях защиты личности и иных охраняемых законом интересов от непосредственного, наличного посягательства, исходящего от другого лица. Оборона реализуется в режиме реального времени — *in statu conflictus* — когда угроза не просто существует, но активно реализуется.

Ключевыми признаками необходимой обороны являются:

- наличие непосредственного, реального, общественно опасного посягательства;
- цель отражения этого посягательства;
- правомерность действий обороняющегося при соблюдении условий соразмерности и своевременности.

Задержание лица, совершившего посягательство (статья 33 УК РК), напротив, применяется после прекращения непосредственной опасности. Здесь посягательство уже завершено, и действия субъекта направлены не на

отражение опасности, а на пресечение возможности уклонения от ответственности и обеспечение доставки правонарушителя в органы власти.

Таблица 4 – Отличительные признаки задержания от необходимой обороны

Критерий	Необходимая оборона	Задержание лица, совершившего посягательство
Момент действия	Во время посягательства	После его завершения
Характер угрозы	Наличная, активная	Потенциальная, ретроспективная
Цель	Защита личности, имущества и т.д.	Передача преступника органам власти
Характер вреда	Направлен на немедленное устранение угрозы	Направлен на пресечение побега, обезвреживание
Законный объект воздействия	Нападающий (в момент нападения)	Лицо, совершившее преступление, но уже не нападающее

Таким образом, правовая природа необходимой обороны — защитная, в то время как природа задержания — обеспечительная, ориентированная на процессуальный интерес государства. Необходимая оборона — это пассивная реакция на агрессию, тогда как задержание — активная гражданская инициация по восстановлению правопорядка.

Кроме того, обороняющееся лицо может причинить вред в любой момент посягательства, включая его начало и кульминацию. В случае задержания, причинение вреда допустимо исключительно при попытке скрыться, сопротивлении или невозможности удержать лицо иными средствами, а не в отношении лица, добровольно ожидающего прибытия полиции [27].

2. Отличие задержания от крайней необходимости

Крайняя необходимость (статья 34 УК РК) — это правомерное причинение вреда третьим лицам, имущественным или иным интересам, в условиях неустранимой опасности, когда иных способов её предотвращения не существует, и причиненный вред является меньшим из двух возможных зол.

Характерные черты крайней необходимости:

- наличие реальной, внезапной и неотвратимой опасности;
- отсутствие иного выхода, кроме как причинить вред;
- причинение вреда не посягающему, а иным объектам или лицам;
- выбор наименее ущербного варианта.

В отличие от задержания:

- при крайней необходимости вред причиняется неправомерно невиновному лицу или обществу в целом, но в интересах сохранения более ценных благ (например, жизни);

- задержание же направлено на лицо, совершившее преступление, и действия в этом случае не подлежат ценностному сравнению, так как преследуют публично значимую цель.

Таблица 4 - Отличие задержания от крайней необходимости

Критерий	Крайняя необходимость	Задержание лица, совершившего посягательство
Источник опасности	Природа, животные, неисправности, третьи лица	Лицо, совершившее преступление
Цель	Предотвращение более значительного вреда	Обеспечение правосудия
Характер вреда	Причиняется не посягающему	Причиняется посягающему
Статус субъекта	Защищается лицо, не наделённое властными функциями	Лицо действует как временный носитель публичной функции
Альтернатива действия	Полное её отсутствие	Возможна, но должна быть менее эффективной

Таким образом, крайняя необходимость — это реакция на невыносимые обстоятельства, где любое действие несет вред, но субъект обязан выбрать наименее вредоносный путь. Задержание, напротив, предполагает наличие контроля над ситуацией и возможность выбора меры воздействия, направленной не на выбор меньшего зла, а на реализацию правовой обязанности.

3. Значение различий для правоприменения

Ошибки в квалификации поведения по статьям 32, 33 и 34 УК РК могут повлечь необоснованную уголовную ответственность, нарушение прав добросовестных граждан и искажение уголовно-правовой политики. Особенно часто это происходит в следующих случаях:

- когда вред причинен в момент, когда посягательство уже прекратилось, но органы не прибыли;
- когда лицо, совершившее преступление, не оказывает сопротивления, а вред причиняется в отместку;
- когда действия субъекта направлены на «наказание», а не на задержание.

Правоприменитель обязан исходить не только из формального анализа, но и из цели поведения субъекта, его мотивации, обстановки и возможности выбора. Для этого необходима доктринальная систематизация различий между обстоятельствами, разъяснения Нормативного постановления Верховного Суда и методические пособия для сотрудников правоохранительных органов.

4. Доктринальные подходы к разграничению

Существуют две научные позиции по разграничению:

1. Функциональный подход — каждое основание определяется через цель поведения:

- оборона — защита от немедленной угрозы;
- задержание — обеспечение правосудия;
- крайняя необходимость — минимизация ущерба.

2. Временной подход — определяется по моменту совершения деяния:

- оборона — во время посягательства;
- задержание — после;
- крайняя необходимость — в условиях непреступной, но опасной

обстановки.

Обе позиции правомерны, но в их сочетании можно получить наиболее точную и справедливую квалификацию.

Принципиальное значение для построения логически стройной уголовно-правовой системы имеет способность различать схожие по форме, но различные по своей правовой сущности действия. В рамках обстоятельств, исключающих преступность деяния, это требование становится особенно актуальным, поскольку речь идет о действиях, формально подпадающих под признаки уголовно наказуемого поведения, но в силу определённых факторов, признанных правом, исключённых из числа преступлений. В этом контексте разграничение необходимой обороны, задержания лица, совершившего посягательство, и крайней необходимости становится не просто задачей методической точности, а вопросом реализации базовых принципов уголовной юстиции, включая справедливость, законность, гуманизм и индивидуализацию ответственности.

Современное уголовное право Казахстана, как и большинства стран континентальной правовой семьи, стремится к нормативной определённости. Однако этого недостаточно, если правоприменитель, интерпретируя ту или иную ситуацию, не может провести тонкую грань между прекращением посягательства (когда оборона заканчивается) и наступлением фазы допустимого задержания, а также — не способен определить, когда речь идёт не о преступнике, а об условиях крайней необходимости, обусловленных столкновением законных интересов [28].

Наиболее сложные вопросы возникают в ситуациях, когда деяние задержанного вызывает особую общественную опасность (например, вооружённое нападение), и субъект, осуществляющий задержание, вынужден применять силу уже после окончания посягательства. Здесь велик риск ошибочной квалификации действий как превышения пределов необходимой обороны, особенно если смерть задержанного наступила вследствие действий, совершённых не в момент нападения, а спустя некоторое время, при попытке его задержания. В этом случае необходимо чётко определить момент, когда

посягательство утратило актуальность, а следовательно, прекратилась возможность обороняться, но возникло право на задержание.

Кроме того, важным критерием разграничения является направленность причинённого вреда. В условиях необходимой обороны вред причиняется для отражения непосредственной угрозы, причем зачастую — в условиях внезапности, эмоциональной напряжённости, ограниченного времени на принятие решений. При задержании, напротив, субъект действует в обстановке умеренной, а иногда — полной правовой ясности, и потому предъявляются более высокие требования к оценке необходимости применения силы, особенно в отношении уже не сопротивляющегося преступника.

Не меньшую трудность вызывает разграничение задержания и крайней необходимости. Их может сблизить, например, ситуация, при которой лицо, совершившее преступление, представляет потенциальную угрозу окружающим, и субъект причиняет ему вред, мотивируя действия необходимостью защитить других лиц. Здесь разграничение может быть обусловлено доминирующей целью: если главной задачей было обезвредить преступника до прибытия органов власти, то речь идет о задержании; если же — предотвратить причинение большего вреда в условиях отсутствия иного выхода, тогда, вероятно, имеет место крайняя необходимость. Однако во всех подобных случаях важнейшую роль играет субъективный фактор — мотив, цель и психологическое состояние лица, осуществляющего воздействие [29].

Право не допускает широких зон неопределенности, особенно в такой деликатной области, как причинение вреда личности. Поэтому любое законодательное регулирование, равно как и его практическое применение, должно стремиться к предельной точности в отграничении правомерного от преступного. С этой точки зрения предложение некоторых исследователей о целесообразности объединения всех видов правомерного причинения вреда в одну универсальную норму, как это сделано в некоторых зарубежных системах, представляется недостаточно обоснованным. Напротив, специфика каждой ситуации требует отдельного, автономного регулирования — с учётом времени, цели, степени опасности и природы объекта.

Необходимость четкого теоретического разграничения также обусловлена тем, что каждый из институтов несёт определённую аксиологическую нагрузку. Необходимая оборона реализует право на самозащиту, выражает конституционное право личности на защиту жизни и безопасности. Задержание реализует общественно полезную функцию соучастия в отправлении правосудия — это форма гражданской активности в условиях функциональной необходимости. Крайняя необходимость — это правовой компромисс между жизнью и интересами, между правом и реальностью, отражающий баланс между юридическим формализмом и фактической безвыходностью [30].

Таким образом, неразграничение этих категорий не только подрывает практическое применение норм УК, но и искажает их социальное и правовое предназначение, ведет к неверной уголовно-правовой квалификации,

уголовному преследованию добросовестных лиц, к снижению уровня правового сознания и правового нигилизма в обществе.

В качестве обобщения можно утверждать, что:

- необходимая оборона — это защита от угрозы;
- задержание — обеспечение ответственности за уже совершённое преступление;
- крайняя необходимость — выбор наименее разрушительного варианта в безвыходной ситуации.

Каждый из этих институтов требует не просто логико-догматического разграничения, но и тонкой правовой интуиции при их оценке в конкретных обстоятельствах. Это обязывает правоприменителя сочетать знание уголовного закона с пониманием его ценностной сути и социального назначения.

2.3 Проблемы квалификации действий при причинении вреда при задержании

Квалификация действий, сопряжённых с причинением вреда лицу, совершившему посягательство, в процессе его задержания, представляет собой одну из наиболее сложных и противоречивых задач уголовного права. Проблематика здесь обусловлена не только правовой спецификой статьи 33 УК Республики Казахстан, но и широким многообразием фактических ситуаций, в которых возникают подобные действия. Сложность заключается в том, что такие действия зачастую содержат внешние признаки преступного поведения, включая причинение телесных повреждений, лишение свободы, иногда — даже смерть задерживаемого, что формально может подпадать под составы статей 106, 107, 125, 99 УК РК и др. Однако при наличии условий, предусмотренных статьёй 33, они утрачивают противоправный характер [31].

Первой и наиболее часто встречающейся проблемой является граница допустимости причинения вреда. Закон не устанавливает чётких параметров допустимого ущерба, ограничиваясь ссылкой на «необходимость» и отсутствие превышения. Однако на практике возникает вопрос: какой уровень физического или иного воздействия является объективно необходимым для задержания? Может ли считаться допустимым причинение средней или тяжкой степени вреда здоровью, если это было единственным способом остановить преступника? Какие критерии применимы к соразмерности вреда и степени угрозы?

Судебная практика по этим вопросам неоднородна. В одних случаях суды признают действия правомерными даже при причинении тяжких повреждений, если преступник оказывал активное сопротивление и пытался скрыться. В других — аналогичные действия квалифицируются как превышение пределов задержания, особенно если потерпевший был невооружён, не проявлял агрессии или уже находился в состоянии, исключающем активное сопротивление (например, лежал на земле, был ранен, окружён и т. п.).

Вторая проблема квалификации связана с субъективной стороной действий задерживающего. Как известно, правомерное поведение всегда характеризуется особым внутренним мотивом — намерением передать лицо органам правосудия, а не причинить ему вред ради мести или самосуда. Однако в реальности разграничение мотивов зачастую затруднено, особенно в условиях эмоционального напряжения, общественного резонанса или стихийного задержания преступника толпой.

Особенно сложно оценивать случаи, когда вред причиняется уже после фактической нейтрализации преступника, например, когда он обездвижен, связан, обезоружен. Дальнейшие действия в виде избиения, словесных унижений или иного физического воздействия утрачивают правомерный характер, поскольку цель задержания уже достигнута, и дальнейшее насилие выходит за рамки уголовно-допустимого поведения.

Третья проблема — временная привязка действий к моменту совершения посягательства и его окончания. Статья 33 УК РК применяется исключительно к действиям, направленным на задержание лица, уже совершившего посягательство, то есть речь идёт о постфактум-реакции. Ошибочное отнесение действий к статье 33, когда фактически ещё продолжается посягательство, влечёт неправильную квалификацию и исключение возможности применения норм о необходимой обороне (ст. 32), где нормы о допустимости вреда более гибкие. В то же время, если задержание происходит с запозданием (например, через несколько часов после преступления), вопрос о правомерности вообще становится дискуссионным, особенно если лицо не оказывает сопротивления и задерживающий не уведомил органы правопорядка.

Ещё одна серьёзная проблема — разграничение правомерного задержания и преступлений, совершаемых под его прикрытием. Преступник может быть задержан, но его «задержание» превращается в самоуправство или даже в пытку. Особенно это характерно для так называемого «группового гражданского реагирования», когда задержание осуществляется спонтанно, без координации и осознания правовых последствий. Такие действия сложно оценить с точки зрения общего субъекта задержания: кто из присутствующих превысил пределы, кто действовал из мести, а кто — добросовестно?

Аналогично, сотрудники правоохранительных органов, пользуясь расширительным толкованием статьи 33, могут ссылаться на задержание как на основание для причинения вреда, который по своему характеру и целям выходит за рамки правомерности. Это особенно чувствительно для уголовной политики, поскольку закон, предоставляющий гражданину возможность активного участия в борьбе с преступностью, не должен превращаться в оправдание произвола и жестокости [32].

Серьёзное затруднение вызывает и отсутствие унифицированной судебной позиции, подкреплённой правовыми позициями Верховного Суда. Отсутствие разъяснений, аналогичных Нормативным постановлениям по вопросам необходимой обороны или крайней необходимости, оставляет

широкое поле для субъективного усмотрения следователя, прокурора и судьи, что ведёт к недопустимому расхождению в правоприменительной практике.

Кроме того, на квалификационные подходы влияет и психологическая, моральная оценка действий: в условиях общественного давления, резонансных преступлений или самоотверженности гражданина, следственные органы могут необоснованно игнорировать признаки превышения, исходя не из закона, а из оценки поступка как «благородного». Такая практика противоречит принципу законности, подменяя юридическую оценку социологической или эмоциональной. (рис.2)

Для устранения обозначенных проблем необходим комплексный подход, включающий:

- разработку четких методических рекомендаций для органов дознания и следствия;
- принятие разъяснений Верховного Суда РК по толкованию статьи 33 УК, в том числе по вопросам пределов допустимого вреда;
- развитие экспертной практики по оценке адекватности действий при задержании (в частности, с привлечением поведенческих, психологических и криминалистических данных);
- введение в учебные программы юридических факультетов модулей практической квалификации по обстоятельствам, исключающим преступность деяния.

Также целесообразно рассмотреть возможность законодательной детализации статьи 33 УК РК, путём включения:

- перечня типовых ситуаций, в которых задержание предполагается правомерным;
- ссылки на критерии допустимого вреда по аналогии со статьёй 32 о необходимой обороне;
- дифференциации условий применения физической силы и специальных средств для гражданских лиц и представителей власти.

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ (ст. 33 УК РК)

1. Проблема пределов допустимого вреда

- Недостаточная ясность
- Спорная оценка необходимости
- Отсутствие критериев

2. Проблема мотива (цели)

- Правомерная цель: передача органам
- Противоправная: месть, наказание
- Сложность доказывания намерения

3. Проблема момента применения нормы

- Посягательство уже завершено
- Оборона уже невозможна

4. Проблема превышения

- Факт нейтрализации $\neq$ право на насилие
- Избиение после задержания
- Ответственность за "вторичное" насилие

5. Проблема группового задержания

- Коллективная ответственность
- Индивидуализация вины

6. Проблема правового произвола

- Действия под видом «задержания»
- Самосуд, пытки, унижения
- Маскировка преступных мотивов

Рисунок 2 – Проблемы квалификации (ст. 33 УК РК)

Сложности квалификации действий при задержании лица, совершившего посягательство, в полной мере обусловлены еще и тем, что границы между правомерным и неправомерным в таких ситуациях проходят не по формальным признакам, а по контекстуальным, оценочным критериям, требующим тонкого юридического анализа. Это, в свою очередь, приводит к высокой степени правовой неопределённости, особенно в пограничных ситуациях, где действия лица формально соответствуют признакам правомерного задержания, но фактически могут быть квалифицированы как превышение допустимых пределов либо иное уголовно наказуемое деяние [33].

Необходимо также обратить внимание на парадокс в правоприменительной практике, связанный с так называемой "двойной реакцией" следствия: одни дела возбуждаются при минимальных сомнениях в правомерности задержания, другие — не возбуждаются вовсе даже при очевидных признаках превышения. Такая избирательность свидетельствует об отсутствии унифицированного подхода к анализу фактических обстоятельств и правовой квалификации, что, в конечном счёте, порождает правовую

нестабильность и нарушает принцип правовой определённости (legal certainty) — один из краеугольных камней верховенства права.

В частности, при анализе дел о причинении вреда при задержании необходимо обращать внимание на такие модели поведения, которые подлежат особой юридической трактовке:

- задержание при отсутствии сопротивления, когда лицо не пытается скрыться, не оказывает активного противодействия, но всё же подвергается насильственному воздействию;
- действия, совершенные в состоянии аффекта или мести, часто маскируемые под "активную гражданскую позицию";
- затяжное насилие после факта задержания, например, удержание, лишение свободы, самосуд или истязание, когда цель правомерного воздействия (обезвреживание и передача властям) уже была достигнута.

В подобных ситуациях правоохранительные органы обязаны не только квалифицировать действия по формальным признакам (например, состав телесных повреждений), но и установить причинно-цельную связь между действиями субъекта и реализацией правомерной цели, а также проанализировать, существовала ли реальная необходимость в причинении конкретного объема вреда в сложившейся ситуации.

Одним из ключевых доктринальных подходов к решению квалификационной проблемы является предложение различать:

1. правомерное задержание с необходимым вредом (например, удары, удержание, блокировка и т.п. при активном сопротивлении или побеге),
2. задержание с избыточным, но не преступным вредом, допустимым в силу экстраординарных условий (например, в условиях угрозы со стороны группы преступников, в условиях неравенства сил),
3. задержание с преступным превышением — действия, имеющие признаки умышленного вреда вне правомерной цели (например, добивание лежащего, удары по голове связанному и т.п.).

Такой трехуровневый подход может лечь в основу методической модели дифференциации ответственности, где важно учитывать:

- наличие альтернатив (мог ли субъект действовать иначе?),
- уровень угрозы (действовал ли задержанный активно?),
- последствия (был ли причинен тяжкий или необратимый вред?),
- поведение после события (были ли вызваны правоохранительные органы? оказана ли помощь?).

Помимо этого, острой является проблема квалификации группового задержания, особенно в случае стихийной реакции граждан на общественно опасное деяние. Здесь встаёт вопрос о совместной ответственности, степени участия каждого и возможной криминализации всего коллектива по принципу солидарной вины. Подобная трактовка нарушает принцип индивидуализации уголовной ответственности и требует особого аналитического подхода, включая установление:

- кто руководил действиями группы;
- кто превысил пределы;
- кто пытался предотвратить чрезмерное насилие.

Также вызывает беспокойство тенденция, при которой прокурорский и следственный надзор фактически перекладывает квалификационную оценку на суд, отказываясь от возбуждения дела при наличии спорной, но формально допустимой версии правомерного задержания. Такая практика ослабляет уголовно-правовую реакцию на злоупотребление, деморализует добросовестных участников процесса и искажает статистику преступности [34].

В этой связи встает вопрос о необходимости:

- создания единых следственно-прокурорских методик по делам данной категории;
- типологизации случаев правомерного, сомнительного и неправомерного задержания;
- проведения обучающих программ для оперативных работников, судей и прокуроров, с разбором практики по делу, касающемуся статьи 33 УК РК.

И, наконец, нельзя игнорировать вызовы, возникающие в связи с технологическим развитием: сегодня наличие видеofиксации, камер наблюдения, нательных регистраторов и свидетелей требует от правоохранителей более высокой ответственности за правовую квалификацию действий, особенно когда видеозаписи вызывают общественный резонанс и давление на органы дознания.

Проблемы квалификации действий при задержании лица, совершившего посягательство, не могут быть разрешены исключительно средствами позитивного права. Они требуют:

- системного сочетания юридической техники и ценностного подхода;
- создания доктринальных основ для дифференциации правомерных и преступных действий в сложных ситуациях;
- усиления методического и аналитического сопровождения правоприменения в этой области;
- консолидации усилий между судами, прокуратурой, учеными и гражданским обществом.

Правильно квалифицированное задержание — это не только защита закона, но и гарантия для активного гражданина, что его участие в защите правопорядка будет оценено справедливо, а не извращено через призму формализма или политической конъюнктуры.

Анализ норм статьи 33 Уголовного кодекса Республики Казахстан, а также их теоретического осмысления и практической реализации позволяет сделать ряд ключевых выводов, касающихся условий правомерности причинения вреда при задержании лица, совершившего посягательство, и связанных с этим проблем уголовно-правовой квалификации.

Во-первых, причинение вреда в процессе задержания представляет собой не исключение из уголовной ответственности в узком смысле, а самостоятельную форму правомерного поведения, находящуюся на стыке уголовного и процессуального права. Это не оправдывающее, а исключающее преступность деяние, допускаемое исключительно в целях восстановления нарушенного правопорядка посредством передачи лица, совершившего преступление, в руки правосудия. Данный институт реализует государственно одобренную активность частного лица, действующего в условиях отсутствия немедленного вмешательства со стороны властей.

Во-вторых, правомерность причинения вреда при задержании строго ограничена совокупностью условий, каждое из которых выполняет функцию самостоятельного элемента правовой оценки: наличие факта совершённого посягательства, цель передачи лица в компетентные органы, необходимость применения физического воздействия, соразмерность причинённого вреда, а также отсутствие злоупотребления правом. Нарушение любого из этих условий ведёт к потере правового статуса действия и трансформации его в преступное. Особое значение в этой системе имеет субъективная направленность поведения задерживающего, поскольку правомерность деяния определяется не только результатом, но и мотивом — намерением исполнить обязанность по содействию правосудию, а не реализовать месть или личный интерес.

В-третьих, задержание как институт имеет внешнее сходство с другими обстоятельствами, исключаяющими преступность деяния — необходимой обороной и крайней необходимостью. Однако указанные институты различаются по юридической природе, основаниям, целям и объектам защиты. Необходимая оборона осуществляется в момент наличного посягательства, крайняя необходимость — при столкновении двух охраняемых законом благ в условиях безвыходности. В свою очередь, задержание направлено на установление правовой ответственности и имеет форму принудительного, но правомерного насилия, допустимого по закону в общественных интересах. Отсутствие четкой дифференциации этих институтов в правосознании граждан и даже профессионалов ведет к серьезным квалификационным ошибкам, включая необоснованное уголовное преследование граждан, действовавших добросовестно.

В-четвертых, анализ проблем квалификации показывает, что правоприменение статьи 33 УК РК страдает от отсутствия ясных нормативных критериев допустимости и необходимого вреда, а также от неоднородности судебной практики, что усугубляется отсутствием разъяснений Верховного Суда по этому вопросу. Наиболее острые проблемы связаны с определением пределов допустимого насилия, установлением момента прекращения посягательства, разграничением целей поведения и формой реализации задержания. Практика показывает, что часто действия, совершённые уже после нейтрализации угрозы, по инерции трактуются как продолжение правомерного

задержания, тогда как по своей сути они представляют собой либо самоуправство, либо превышение допустимого вреда.

В-пятых, отсутствует устоявшийся подход к групповым формам задержания, при которых ответственность за причинение вреда может быть размыта между несколькими субъектами, действовавшими одновременно, но с разной степенью участия и различными мотивами. Это особенно актуально в условиях стихийных задержаний, характерных для общественно резонансных преступлений. Отсутствие единых методик правовой оценки таких ситуаций влечет риск коллективной криминализации либо, напротив, полного ухода от ответственности отдельных лиц, действовавших с преступными намерениями под прикрытием задержания.

Наконец, на основании проведенного анализа можно утверждать, что эффективное применение института задержания лица, совершившего посягательство, требует не только правильной юридической квалификации, но и глубокого правового понимания цели и значения этого института, который по своей природе представляет собой форму общественного содействия государству в борьбе с преступностью. Для обеспечения единообразной практики требуется развитие методического сопровождения, подготовка соответствующих разъяснений судебных органов, внедрение практико-ориентированных стандартов оценки правомерности и соразмерности вреда.

Задержание посягнувшего лица и причинение ему вреда — это не только правовой акт, но и ценностно нагруженное действие, требующее от правоприменителя высокой степени юридической квалификации, добросовестности и умения дифференцировать правомерное принуждение от произвола. Законодательное и методическое развитие в этой области станет важным шагом к укреплению доверия общества к праву как инструменту защиты и справедливости.

3. Направления совершенствования законодательства и практики применения статьи 33 УК РК

3.1 Анализ судебной практики в Республике Казахстан

Несмотря на кажущуюся формальную завершенность правового регулирования, статья 33 Уголовного кодекса Республики Казахстан на практике порождает значительное количество правоприменительных затруднений, в том числе и квалификационного характера. Это в первую очередь обусловлено оценочной природой большинства элементов правомерности задержания — таких, как необходимость причинения вреда, соразмерность мер физического воздействия, наличие цели передачи преступника органам власти и, что особенно важно, субъективная направленность действий задерживающего [35].

Следует признать, что уголовный закон, закрепляя возможность причинения вреда при задержании лица, совершившего посягательство, делает это через установление открытых, содержательно неопределённых понятий, таких как «допустимый вред», «цель передачи», «необходимость», что неизбежно требует интерпретации. Но в отсутствие устойчивых доктринальных ориентиров, развитой судебной позиции и разъяснений со стороны Верховного Суда, такие нормы становятся источником правовой неопределённости, результатом которой выступает расхождение между теорией и практикой, а в ряде случаев — судебный произвол.

Анализ судебной практики по делам, связанным с реализацией положений статьи 33 УК РК, позволяет сделать вывод, что на уровне фактической интерпретации нормы происходит её существенное искажение: суды зачастую либо излишне формализуют оценку поведения гражданина, опираясь преимущественно на результат (степень вреда), игнорируя мотив и цель, либо, напротив, обобщённо и бездоказательно признают действия правомерными, прикрывая эмоционально окрашенные акты агрессии ссылками на общественную полезность.

Особенно показателен тот факт, что единообразие в подходах к оценке правомерности задержания практически отсутствует, а решения по сходным фактическим обстоятельствам могут радикально различаться в зависимости от субъективного восприятия обстоятельств судьёй или следователем. Такая практика подрывает не только правовую стабильность, но и доверие общества к институтам уголовного правосудия, особенно в случаях, когда граждане, действовавшие добросовестно, привлекаются к ответственности, в то время как лица, злоупотребившие правом, избегают наказания [36].

Правоприменительная реальность также показывает, что на этапе предварительного следствия и дознания следователи нередко исходят из презумпции виновности лица, применившего силу, автоматически квалифицируя действия как причинение вреда здоровью, незаконное лишение

свободы или превышение пределов допустимой обороны. Между тем, первичная правовая оценка поведения должна быть ориентирована на исследование условий правомерности, в том числе на выяснение:

- существовал ли реальный факт посягательства;
- была ли цель именно в передаче преступника правоохранительным органам;
- были ли действия задерживающего вынужденными;
- существовали ли иные, менее травматичные способы удержания.

Таким образом, судебная практика становится критическим фильтром, через который проходят нормы уголовного права, и именно через анализ конкретных решений можно выявить:

- степень соответствия правоприменения букве и духу закона;
- устойчивость и предсказуемость судебных подходов;
- типовые ошибки квалификации и пробелы в судебной аргументации.

Именно поэтому обращение к судебной практике в контексте статьи 33 УК РК является не только методологически оправданным, но и фундаментально необходимым для всестороннего осмысления правовой природы и границ применения института задержания посягнувшего лица. В следующей части настоящего раздела будут рассмотрены конкретные примеры из национальной практики, демонстрирующие основные модели интерпретации правомерности действий при задержании, с последующим выделением типичных правовых ошибок и формулированием направлений совершенствования подходов к квалификации.

Анализ конкретных уголовных дел, рассмотренных судами Республики Казахстан, позволяет выявить не только закономерности применения статьи 33 УК РК, но и устойчивые проблемы квалификационного, оценочного и процессуального характера. Ниже представлены кейсы, получившие широкую известность или отражающие типичные правоприменительные ошибки, выявленные в судебной практике.

Кейс 1. Признание действий превышающими пределы задержания при фактической нейтрализации преступника

В одном из дел, рассмотренных судом Карагандинской области, гражданин М. стал свидетелем ограбления пожилого мужчины. Он догнал убежавшего преступника, сбил его с ног и нанёс несколько ударов по голове, в результате чего последний получил закрытую черепно-мозговую травму. Несмотря на то, что задержание изначально было правомерным, суд квалифицировал дальнейшие действия М. как умышленное причинение тяжкого вреда здоровью. Суд установил, что после того, как преступник был фактически обезврежен и не оказывал сопротивления, применение силы утратило правовую цель и превратилось в избыточное насилие. В решении суда подчёркивалось, что статья 33 УК РК не может служить прикрытием для продолжения насилия в отсутствие угрозы побега или сопротивления. Это дело

иллюстрирует проблему «вторичной агрессии» — когда законное задержание перетекает в противоправную расправу, а грань между ними игнорируется правосознанием задерживающего.

Кейс 2. Признание правомерности причинения вреда при активном сопротивлении преступника

В г. Алматы гражданин Т. стал очевидцем грабежа в супермаркете. Он догнал преступника, который, несмотря на требования остановиться, предпринял попытку нападения на Т. с ножом. Т. использовал подручный предмет (металлический прут) и нанёс удар по руке преступника, выбив оружие. Суд квалифицировал действия Т. как правомерное задержание с допустимым причинением вреда, ссылаясь на то, что дальнейшее бездействие могло создать угрозу жизни и здоровью самого задерживающего и окружающих. Данный случай демонстрирует важность оценки конкретной угрозы в момент задержания, а также необходимости учета реальных альтернатив действиям, предпринятым субъектом [38].

Кейс 3. Ошибочная уголовная квалификация действий, совершенных с целью правомерного задержания

В Северо-Казахстанской области гражданин Ж. стал свидетелем угона автомобиля. Он преследовал угонщика, задержал его и применил физическую силу, в результате чего преступник получил перелом носа. Следственные органы возбудили уголовное дело по статье 107 УК РК (умышленное причинение средней тяжести вреда), не приняв во внимание ни факт преступления, ни цель задержания, ни отсутствие иных возможностей остановить убегающего. Суд впоследствии переквалифицировал действия Ж. по статье 33 УК РК, признав их необходимыми и соразмерными, однако сам факт возбуждения дела и первоначальной инкриминации состава преступления вызвал общественный резонанс и поставил под сомнение защитную функцию уголовного закона. Этот случай иллюстрирует проблему формального подхода на стадии следствия, когда квалификация отрывается от контекста, мотива и общей правовой направленности действия.

Кейс 4. Проблема индивидуализации ответственности при групповом задержании

Особое внимание заслуживает дело, рассмотренное в г. Шымкенте, где несколько прохожих задержали гражданина, подозреваемого в совершении развратных действий в отношении несовершеннолетнего. Один из задерживающих применил чрезмерную силу, причинив потерпевшему тяжкий вред — сломал руку и нанёс телесные повреждения. В процессе следствия возникла проблема индивидуализации ответственности: кто именно превысил пределы, кто действовал в рамках закона, а кто — по инерции толпы. Суд в итоге освободил большинство участников от уголовной ответственности, сославшись на их добросовестную гражданскую инициативу, но привлёк к ответственности одного из участников, чьи действия имели явный карательный мотив. Этот кейс показывает, насколько сложно в группе дифференцировать

правомерные действия от уголовно наказуемых, особенно без объективной фиксации (видеозаписей, показаний свидетелей и т.д.).

Кейс 5. Пассивное поведение преступника и избыточное насилие

В Акмолинской области гражданин Е. стал свидетелем попытки карманной кражи. Он схватил вора, который не оказывал сопротивления, и удерживал его в течение десяти минут, дожидаясь полиции. Однако за это время Е. начал выкрикивать угрозы, бил задержанного по голове и грубо обращался с ним, чем причинил лёгкий вред здоровью. Суд указал, что, несмотря на законность самого факта задержания, действия Е. носили характер издевательства и самосуда, что исключает их защитную правовую природу. Е. был признан виновным по статье 108-1 УК РК (умышленное причинение лёгкого вреда здоровью). Кейс демонстрирует, что цель и поведение субъекта после задержания играют решающую роль в определении границ правомерности.

В совокупности проанализированные дела позволяют утверждать, что в практике казахстанских судов при оценке действий задерживающего лица основное внимание уделяется:

- наличию или отсутствию активного сопротивления со стороны задерживаемого;
- цели поведения субъекта (правомерная — передача органам власти; противоправная — месть, самосуд);
- характеру и степени причиненного вреда, особенно в ситуации прекращения угрозы;
- поведению после нейтрализации преступника, как критерию различения защиты и расправы.

Однако, как показал анализ, указанные критерии применяются судами не всегда последовательно, что порождает как судебные ошибки, так и субъективизм в квалификации.

Проведённый анализ судебной практики, включающий как конкретные кейсы, так и общие тенденции квалификационного подхода судов к делам, связанным с причинением вреда при задержании лица, совершившего посягательство, позволяет выделить ряд устойчивых проблем, имеющих системный характер. Эти проблемы касаются как содержания и интерпретации уголовно-правовых норм, так и недостатков организационно-практического и методического характера в деятельности органов досудебного расследования и суда.

1. Формализм в подходе к квалификации

Одной из главных проблем является преобладание формально-результативного подхода в оценке правомерности действий задерживающего лица. Органы следствия и суды зачастую ограничиваются установлением самого факта причинения вреда здоровью (особенно средней или тяжкой степени), без углубленного анализа мотива, цели и контекста действий. Это приводит к квалификации по статьям 106, 107, 108-1 или 109-1 УК РК, без

учёта того, что деяние имело своей целью выполнение публично-правовой функции — задержание преступника до прибытия правоохранительных органов [35].

В результате добросовестные действия граждан, направленные на защиту правопорядка, превращаются в объект уголовного преследования, что не только несправедливо, но и опасно с точки зрения формирования правовой культуры: государство демонстрирует, что инициатива в сфере защиты права карается, а не поощряется.

2. Игнорирование субъективной стороны задержания

Наряду с формализмом в оценке объективной стороны, распространённой ошибкой является игнорирование субъективной стороны действий задерживающего. При квалификации зачастую не исследуются такие ключевые элементы, как:

- цель действий (имела ли она правовую направленность — задержание и передача органам?);
- мотив (не был ли он продиктован местью, эмоциями, аффектом?);
- восприятие ситуации субъектом (была ли у него реальная альтернатива применению силы?).

Установление субъективной стороны требует повышенной следственной и судебной квалификации, однако в условиях загруженности судов и давления «правовой статистики» предпочтение отдаётся объективным признакам, формально указывающим на состав преступления. Это подрывает аксиологическую основу статьи 33 УК РК как механизма легализации активной гражданской позиции.

3. Отсутствие разграничения стадий: оборона — задержание — превышение

В ряде дел отсутствует чёткое разграничение момента завершения посягательства, когда правомерная оборона прекращается, и начинается фаза правомерного задержания. Ещё чаще игнорируется момент завершения задержания, когда преступник фактически обезврежен и дальнейшее применение силы становится противоправным. Это порождает:

- необоснованное распространение правомерности на действия, не связанные с задержанием (например, избиение после связывания);
- обратную ситуацию — ошибочное привлечение к ответственности лиц, действовавших правомерно в процессе активного преследования.

Фактически, временная и функциональная граница между институтами обороны, задержания и самоуправства стирается, что снижает предсказуемость и обоснованность квалификации.

4. Непоследовательность и фрагментарность судебной практики

Одним из наиболее тревожных явлений является отсутствие единообразной практики по применению статьи 33 УК РК. Судебные решения по схожим фактическим обстоятельствам демонстрируют противоречивость

подходов: действия, признанные правомерными в одном регионе, могут быть квалифицированы как преступление в другом. Причины кроются в:

- отсутствию разъяснений Верховного Суда по ст. 33 УК РК;
- неразработанности методических рекомендаций;
- отсутствию судебных обзоров по категориям дел, связанных с обстоятельствами, исключаяющими преступность.

В результате применение нормы приобретает фрагментарный и субъективный характер, зависящий от личного восприятия судьёй ситуации, а не от унифицированного критерия [39].

5. Проблема группового задержания и индивидуализации ответственности

Особо остро стоит проблема коллективного задержания, когда группа лиц совместно препятствует уходу преступника. В таких ситуациях крайне сложно:

- определить, кто действовал правомерно, а кто превысил меры;
- дифференцировать ответственность участников;
- установить персонализированную причинно-следственную связь между действием и вредом.

Отсутствие объективных данных (видео, аудио, показаний свидетелей) усугубляет ситуацию, и нередко органы предварительного следствия выбирают стратегию «обезличенного обвинения», либо, напротив, отказываются от преследования ввиду невозможности индивидуализации. Это свидетельствует о правовом пробеле в квалификации сложных коллективных ситуаций, требующем как теоретического осмысления, так и процессуального регулирования.

6. Угроза подмены правовой оценки эмоциональной

В контексте общественно значимых или резонансных дел наблюдается тенденция подмены юридической оценки эмоциональной, особенно при широком освещении в СМИ или наличии поддержки задерживаемого со стороны общества. В подобных ситуациях суд или следствие могут:

- игнорировать признаки превышения или преступности;
- формировать квалификацию под давлением общественного мнения;
- выносить решения, не опираясь на правовую логику, а на «восприятие справедливости».

Это ведёт к эрозии принципа законности, а также к опасному прецеденту оправдания самосуда под прикрытием правомерного задержания.

Обращение к правовым позициям Верховного Суда Республики Казахстан при анализе применения статьи 37 УК РК является методологически обоснованным, поскольку именно высшая судебная инстанция обладает полномочиями формировать обязательную для правоприменителя правовую интерпретацию уголовно-правовых норм. В условиях неоднозначности и оценочности статьи 33, официальная позиция Верховного Суда могла бы выступать не только стабилизатором судебной практики, но и источником

развития толкования права в духе конституционных принципов: законности, пропорциональности и справедливости [40].

Таблица 5 - Типология правоприменительных ситуаций при задержании лица, совершившего посягательство (ст. 33 УК РК)

№	Описание ситуации	Квалификация суда	Проблема / Вывод
1	Гражданин догнал грабителя, избил после обездвиживания	Признано превышение пределов задержания	Не зафиксирован момент завершения правомерного воздействия
2	Задержание преступника с нанесением лёгкого вреда при активном сопротивлении	Признано правомерным	Учет цели задержания и поведения задержанного
3	Угонщика задержали и избили. Следствие — ст. 107 УК, суд переквалифицировал по ст. 33	Первично — средний вред здоровью, в итоге — правомерное	Ошибка следствия: игнорирование мотива и факта посягательства
4	Групповое задержание, тяжкий вред от одного из граждан	Ответственность индивидуализирована	Трудности в установлении личного вклада каждого; риск "размывания" вины
5	Действия после обезвреживания — унижение, удары, издевательства	Признано самоуправством и причинением вреда	Утрата правомерной цели после достижения результата задержания

Таблица 6 - Обобщённые проблемы, выявленные в анализе

Проблема	Суть	Рекомендации
Формализм в оценке	Преобладание анализа последствий над анализом целей и мотивов	Включать в квалификацию субъективную сторону; анализировать мотив и цель задержания
Неясные границы между задержанием и насилием	Непонимание момента завершения посягательства и допустимости силы	Требуется нормативная детализация стадий: оборона – задержание – превышение
Групповая ответственность	Сложности в дифференциации действий при коллективном	Усиление роли процессуальных стандартов и доказывания

	задержании	индивидуального вклада
Отсутствие единообразия практики	Различные подходы в аналогичных ситуациях в разных регионах	Подготовка разъяснений Верховного Суда, обзоры практики, унификация подходов
Давление общественного мнения	Эмоциональная оценка поведения задерживающего, особенно в резонансных делах	Сдерживание субъективизма, опора на нормы и принципы, а не общественную реакцию

Однако на сегодняшний день следует констатировать, что сформулированных, официальных разъяснений Верховного Суда РК по применению статьи 33 УК РК не существует, равно как отсутствуют и Нормативные постановления ВС РК, прямо посвящённые вопросам правомерности причинения вреда при задержании лица, совершившего посягательство. Отдельные упоминания о правомерности задержания встречаются лишь фрагментарно в разъяснениях по иным институтам, в частности, по необходимой обороне, где задержание лишь соприкасается с категорией допустимой обороны. Такая ситуация образует серьёзный правовой пробел, препятствующий формированию единообразной судебной практики и создающий предпосылки для произвольной правоприменительной оценки [41].

Сравнительный анализ показывает, что по другим основаниям, исключая преступность, Верховный Суд действует более активно. Так, по вопросам необходимой обороны существует Постановление Пленума ВС РК от 11 июля 2003 года № 1, которое устанавливает как общие, так и конкретные критерии правомерности оборонительных действий. По крайней необходимости аналогичные подходы прослеживаются в решениях высших судебных органов, определяющих пределы допустимого выбора между охраняемыми благами. В то же время институт задержания как самостоятельная категория остаётся вне сферы комплексного анализа на уровне высшей судебной инстанции, что резко контрастирует с его значимостью в системе уголовного права.

Отсутствие таких разъяснений ведёт к двум основным негативным последствиям. Во-первых, размываются границы правомерности: суды на местах вырабатывают собственные, зачастую противоречивые ориентиры. Во-вторых, снижается степень защищённости граждан, добросовестно пытающихся содействовать охране правопорядка, но рискующих быть привлечёнными к ответственности при возникновении спорной правовой ситуации. Это порождает институциональное недоверие к правоприменителю и к самому закону.

Особую опасность представляет то, что в условиях правового вакуума следственные и судебные органы зачастую руководствуются не нормативными

критериями, а бытовыми представлениями о справедливости или общественной опасности, что приводит к подмене юридической квалификации субъективными оценками поведения задерживающего. Подобный подход противоречит самой идее законности как господства чётко формализованной нормы над оценочной практикой.

Кроме того, Верховным Судом не обобщаются системно дела, связанные с применением статьи 33 УК, несмотря на то, что такие дела поступают в суды регулярно. Отсутствие тематических обзоров, методических писем и правовых позиций приводит к тому, что ни судьи, ни органы следствия не обладают устойчивыми ориентирами, позволяющими точно разграничивать правомерное задержание от превышения его пределов или от преступных деяний под видом защиты.

Также отсутствуют процессуальные стандарты оценки правомерности задержания, которые могли бы быть сформированы Верховным Судом в виде критериев: что является достаточным основанием для начала применения силы; какие действия допустимы в условиях сопротивления; как трактовать поведение задерживающего в случае прекращения угрозы и наступления контроля над ситуацией. Эти элементы критически важны для оценки наличия состава преступления и определения правовой природы поведения субъекта [42].

Таким образом, на сегодняшний день можно выделить следующие пробелы в сфере кассационного, нормативного и методического регулирования, за устранение которых, по логике юридической системы, отвечает Верховный Суд:

- отсутствие Нормативного постановления ВС РК по применению статьи 33 УК РК;
- отсутствие правовой позиции по проблемам допустимого вреда при задержании;
- неразработанность критериев добросовестности задержания;
- игнорирование проблемы разграничения задержания и самосуда;
- отсутствие типологизации ошибок квалификации в делах о причинении вреда при задержании.

Решение вышеуказанных проблем предполагает, прежде всего, активизацию интерпретационной функции Верховного Суда, как органа, призванного обеспечивать единообразие правоприменения. Необходимость принятия Нормативного постановления ВС РК, посвящённого обстоятельствам, исключаящим преступность, включая задержание, является насущной. Такой документ должен:

- содержать чёткие разъяснения о пределах допустимого вреда;
- разграничивать задержание от самосуда, необходимой обороны и крайней необходимости;
- определять критерии правомерности и злоупотребления при задержании;

- устанавливать подходы к квалификации в спорных случаях (особенно при групповом задержании и причинении тяжкого вреда).

Кроме того, необходимо, чтобы Верховный Суд инициировал подготовку методических рекомендаций и систематических обзоров судебной практики, ориентированных на обучение судей, прокуроров и следователей, и формирование правовой культуры справедливой квалификации.

3.2 Типичные ошибки и коллизии в правоприменении: введение

Результаты системного анализа правоприменительной практики по делам, связанным с применением статьи 33 Уголовного кодекса Республики Казахстан, свидетельствуют о наличии устойчивого комплекса типовых ошибок и правовых коллизий, допускаемых как на стадии досудебного производства, так и в рамках судебного рассмотрения. Эти ошибки носят не эпизодический, а системный характер, повторяются в различных регионах страны и касаются как толкования самой нормы, так и методологии её применения к конкретным жизненным ситуациям. Они свидетельствуют об отсутствии не только единой практики, но и устоявшихся правовых ориентиров, что обостряет проблему правовой неопределённости в оценке поведения лица, осуществившего задержание преступника [43].

К числу ключевых факторов, порождающих данные ошибки, следует отнести:

- недостаточную нормативную разработанность диспозиции статьи 33 УК РК;
- отсутствие конкретизированных критериев допустимости вреда и необходимости применения силы;
- слабую дифференциацию задержания от смежных институтов (необходимой обороны и крайней необходимости);
- а также дефицит разъяснительной и методической работы со стороны Верховного Суда и Генеральной прокуратуры Республики Казахстан.

Наиболее тревожным является то, что перечисленные ошибки затрагивают базовые элементы юридической квалификации, включая установление субъективной стороны деяния, момент начала и окончания правомерного поведения, пределы допустимой инициативы граждан в охране правопорядка. В частности, формально подходя к оценке тяжести причиненного вреда, органы следствия и суды нередко игнорируют правомерную цель и правовую мотивацию поведения субъекта, тем самым криминализируя действия, по своей сути ориентированные на защиту прав и свобод других лиц и содействие уголовному правосудию.

Такая практика противоречит не только букве, но и духу уголовного закона, подрывая конституционные принципы верховенства права, законности, справедливости и правовой определённости. Более того, она формирует в общественном сознании опасный месседж: гражданская инициатива в

обеспечении правопорядка может быть наказуема, если действия будут истолкованы слишком узко, без учёта обстоятельств, целей и реальной опасности, в которой находился субъект [44].

Важно подчеркнуть, что подобные ошибки — это не просто технические огрехи квалификации, а индикаторы институционального дефицита правового регулирования. В условиях отсутствия систематизированной судебной позиции, методических стандартов и прецедентного регулирования они закономерны. Их повторяемость из дела в дело указывает на необходимость глубокой правовой диагностики, выявления источников этих искажений и формулирования предложений по их устранению.

Кроме того, наличие коллизий между нормами уголовного законодательства (например, между статьями 32, 33 и 34 УК РК), конкуренция правовых оценок одного и того же поведения, а также несогласованность между правовыми позициями следствия и суда свидетельствуют о функциональном сбое в правовой системе, что требует нормативной корректировки, доктринального уточнения и практической унификации.

Цель настоящего раздела — систематизировать типичные ошибки и правовые коллизии, возникающие при применении статьи 33 УК РК, дать их теоретико-правовую оценку, выявить причины их возникновения, а также обозначить направления преодоления указанных проблем в целях повышения эффективности, предсказуемости и справедливости уголовного правосудия в рассматриваемой сфере.

Анализ судебной и следственной практики, обобщённый в предыдущем разделе, позволяет выделить ряд типичных, повторяющихся ошибок и правовых коллизий, существенно влияющих на единообразие применения статьи 33 УК РК. Ниже представлены наиболее характерные из них.

Ошибка 1. Формальное толкование причинённого вреда без анализа цели действий

Описание:

Наиболее распространённой ошибкой является квалификация действий задерживающего лица исключительно по степени причинённого вреда, без должного анализа субъективной стороны и правовой направленности поведения. В частности, причинение средней или тяжкой степени вреда нередко автоматически влечёт возбуждение уголовного дела, без выяснения, было ли это действие вынужденной мерой для задержания преступника.

Причина:

Это результат формалистского подхода со стороны следственных органов, обусловленного отсутствием методик анализа правомерной цели и необходимости применения силы. Дополнительно этому способствует отсутствие конкретизации в законе пределов допустимого вреда, а также стремление следствия к «процессуальной безопасности» — квалификация «по максимуму», чтобы избежать возможных обвинений в бездействии.

Правовые последствия:

- Уголовное преследование добросовестного гражданина, действовавшего в интересах правосудия.

- Подрыв правового смысла статьи 33 УК РК как гарантии участия общества в охране порядка.

- Рост недоверия к правоохранительной системе и отказ граждан от правомерной инициативы.

Пример:

Гражданин О. задержал квартирного вора, сбежавшего с места преступления. Во время борьбы злоумышленник получил перелом ключицы. Следствие возбудило дело по ст. 107 УК РК (умышленное причинение вреда средней тяжести), не исследовав, что повреждение возникло в результате сопротивления при задержании, и не приняв во внимание мотив и цель О.

Ошибка 2. Недопонимание момента окончания посягательства (переход от обороны к задержанию)

Описание:

Зачастую не проводится чёткое разграничение момента окончания посягательства, в связи с чем действия, совершённые после нейтрализации опасности, продолжают квалифицироваться как «оборона», либо — наоборот — необоснованно трактуются как «превышение задержания».

Причина:

Ошибка вызвана доктринальной неразработанностью временных границ института задержания, а также тем, что в статье 33 УК РК отсутствуют чёткие указания на переходные стадии между необходимой обороной и правомерным задержанием. В результате практика сталкивается с неопределённостью.

Правовые последствия:

- Ошибочная квалификация действий как превышения необходимой обороны.

- Признание правомерных действий преступными вследствие неверного определения момента угрозы.

- Уголовно-правовая ответственность за действия, направленные на обеспечение законного порядка.

Пример:

В одном из дел гражданин Л. нанес несколько ударов преступнику после того, как обезвредил его. Следствие квалифицировало действия как превышение пределов необходимой обороны. Однако суд установил, что к моменту ударов посягательство уже прекратилось, и началась фаза задержания. Тем не менее, избыточная сила была признана нарушением правомерности.

Ошибка 3. Отождествление правомерного задержания с самосудом

Описание:

Часто встречается отождествление задержания преступника с актом самосуда, особенно в ситуациях, когда задержание сопровождалось эмоциональной окраской — возмущением, криками, демонстративным

унижением. В таких случаях действия граждан расцениваются как акт мщения, даже если применённая сила была необходима для удержания лица.

Причина:

Возникает на фоне эмоциональной реакции общества и следствия, отсутствия чёткой оценки мотива поведения, а также неспособности отделить правомерное насилие от произвольного. Стимулируется отсутствием объективной фиксации (видеозаписей), а также влиянием общественного давления.

Правовые последствия:

- Добросовестные действия признаются криминализованными.
- Участие граждан в охране порядка рассматривается как общественная опасность.
- Подрывается принцип презумпции добросовестности задержания.

Пример:

Группа граждан задержала насильника, причинив ему телесные повреждения. Один из задерживающих снял происходящее на видео, сопровождая действия комментариями уничижительного характера. Следствие признало действия группы проявлением самосуда, не исследовав, были ли они необходимыми для задержания.

Ошибка 4. Неверное разграничение задержания с необходимой обороной и крайней необходимостью

Описание:

Судебная и следственная практика часто не проводит разграничение между обстоятельствами, исключаящими преступность. Это приводит к ситуации, когда одно и то же действие трактуется либо как оборона, либо как задержание, либо как крайняя необходимость, в зависимости от субъективной интерпретации.

Причина:

Ошибка связана с доктринальной неопределённостью критериев разграничения, отсутствием соответствующих разъяснений Верховного Суда и правовой квалификационной модели, а также с тем, что в Уголовном кодексе отсутствуют перекрёстные отсылки и разграничительные положения.

Правовые последствия:

- Утрата правовой предсказуемости.
- Вынесение противоречивых решений в аналогичных делах.
- Размывание функций каждого из институтов уголовного права.

Пример:

Гражданин П. спас ребёнка, оттолкнув мужчину, державшего нож. В результате действий последний получил травму. Следователь отказал в возбуждении дела, сославшись на крайнюю необходимость. Суд при рассмотрении гражданского иска указал, что имела место необходимая оборона. В отсутствие согласованной квалификации ни один институт не был правильно применён.

Ошибка 5. Неиндивидуализированная оценка при групповом задержании

Описание:

В случаях коллективного задержания суды и следственные органы часто не определяют индивидуальный вклад каждого участника, распространяя ответственность или правомерность автоматически на всех. Это ведёт к «солидарной» ответственности или полной безответственности.

Причина:

Происходит из-за отсутствия процессуальных стандартов индивидуализации, сложности доказывания в условиях слияния действий, а также слабой практики фиксации роли каждого участника в правовом смысле.

Правовые последствия:

- Ответственность могут понести невиновные.
- Виновные могут уйти от ответственности, «растворившись» в толпе.
- Судебная практика утрачивает точность и справедливость.

Пример:

В деле о групповом задержании предполагаемого насильника не удалось установить, кто именно нанёс критические удары. Следствие прекратило дело, не применяя ни статьи 33, ни иных оснований, сославшись на невозможность индивидуализации.

Ошибка 6. Отказ в признании правомерности действий из-за тяжести последствий

Описание:

Действия, объективно направленные на правомерное задержание, не признаются таковыми исключительно в силу наступивших тяжких последствий, независимо от их причины, необходимости и соразмерности.

Причина:

Это результат ошибочной подмены результата мотивом: вместо анализа цели поведения правоприменитель оценивает последствия, забывая, что тяжкий вред не исключает автоматом правомерность, если он был необходим и неизбежен.

Правовые последствия:

- Нарушение принципа соразмерности и презумпции правомерности.
- Наказание за действия, предпринятые ради правосудия.
- Подрыв доверия к институту правомерного задержания.

Пример:

Гражданин Г. задержал вооружённого грабителя, нанеся ему ранение, повлекшее инвалидность. Следствие признало, что целью было задержание, но из-за тяжких последствий действия были квалифицированы как преступные. Судебная коллегия позже отменила обвинение.

Применение статьи 33 Уголовного кодекса Республики Казахстан, регламентирующей правомерность причинения вреда при задержании лица, совершившего посягательство, на практике сопровождается не только

методическими и оценочными ошибками, но и устойчивыми правовыми коллизиями, проявляющимися в несовершенстве нормативной конструкции, в пересечении смысловых границ с другими институтами уголовного права, а также в функциональном конфликте между теоретическими положениями и их реальной реализацией. Эти коллизии неразрывно связаны с выявленными ранее ошибками квалификации, но имеют углублённое юридико-системное измерение, затрагивая основы уголовно-правовой доктрины, систематику законодательства и принципы правоприменения.

Во-первых, ключевой коллизией является конкуренция правовых норм, регулирующих различные формы правомерного причинения вреда: статьи 32 (необходимая оборона), 33 (задержание посягнувшего) и 34 (крайняя необходимость). Все три статьи формально отнесены к числу обстоятельств, исключающих преступность, но при этом не содержат чётко разграничивающих критериев, позволяющих однозначно установить, в каком именно режиме действует субъект в конкретной ситуации: защищается, задерживает или предотвращает больший вред. В отсутствие разграничительных положений (в законе нет перекрёстных отсылок, примечаний или даже формального сопоставления ситуаций применения норм), правоприменители оказываются в положении, когда правовая оценка поведения зависит не от фактической ситуации, а от юридической интерпретации конкретного субъекта – следователя, прокурора или судьи.

Во-вторых, наблюдается внутренняя коллизия между оценочными категориями, использованными в статье 33 УК РК: «необходимость», «допустимость», «причинение вреда» и «цель передачи органам». Эти термины не раскрываются в законе, не подкреплены легальными дефинициями или устойчивыми судебными стандартами. В результате возникает правовая неопределённость, при которой одни и те же действия в разных регионах, в зависимости от судебной практики, могут быть признаны как правомерными, так и преступными. Это создает противоречие с принципом правовой определённости, закреплённым как в национальной правовой системе (статья 4 Конституции РК), так и в международной правовой практике [1].

В-третьих, налицо коллизия между уголовно-правовой нормой и процессуальными стандартами её применения. Уголовный закон допускает правомерное причинение вреда в рамках задержания, однако уголовно-процессуальное законодательство не содержит специфических процедур по оценке правомерности таких действий, особенно в части доказывания цели задержания, необходимости применения силы и характера причинённого вреда. (рис.3)

В частности, отсутствует:

- алгоритм предварительной правовой оценки задержания на стадии досудебного расследования;
- регламент экспертизы по установлению адекватности применения физической силы;

- стандарт доказывания субъективной цели при задержании (передача органам власти);

- процедура проверки альтернативных возможностей задержания.

В совокупности это создаёт процессуальную коллизию, когда субъект может быть привлечён к ответственности до завершения всесторонней правовой оценки, а следственные действия носят обвинительный уклон по умолчанию.

ПРАВОВЫЕ КОЛЛИЗИИ СТАТЬИ 33 УК РК

1. Коллизия между смежными нормами (ст. 32, 33, 34 УК РК)

- Отсутствие разграничений
- Конфликт режимов правомерности

2. Коллизия оценочных категорий

- «Необходимость»
- «Допустимый вред»
- «Цель задержания»

3. Коллизия с УПК

- Нет процессуальных стандартов
- Неясность доказывания мотива
- Игнорирование цели задержания

4. Коллизия с правовой политикой

- Государство призывает к участию, но наказывает за активность
- Нарушение принципа поощрения гражданской инициативы

5. Коллизия с принципом презумпции

- Бремя доказывания на задерживающем невиновности
- Нарушение баланса интересов и легальностью

6. Коллизия между правом и моралью
 - Общество одобряет действия, суд — осуждает
 - Разрыв между легитимностью

Рисунок 3 - Правовые коллизии статьи 33 УК РК

В-четвёртых, фиксируется коллизия между законом и правовой политикой. С одной стороны, государство на уровне риторики и конституционных норм декларирует поддержку гражданской активности в защите правопорядка. С другой стороны, в реальности действия граждан, направленные на пресечение преступления, приравниваются к насильственным посягательствам, если в их ходе был причинён вред. Тем самым возникает ценностное противоречие: государство не в полной мере институционализирует свою опору на общество, подрывая легитимность самого института задержания. Это препятствует формированию у граждан правовой уверенности в собственной правомерности при защите общих интересов.

В-пятых, в правоприменении наблюдается функциональная коллизия между принципом презумпции невиновности и обязанностью следствия оценить правомерность поведения, особенно в условиях недостатка доказательств. В случае задержания, закон не устанавливает презумпцию добросовестности задерживающего, что приводит к смещению баланса: лицо, фактически содействовавшее правосудию, должно доказывать, что его действия были правомерными, а не наоборот. Это нарушает баланс интересов личности и государства, и особенно остро воспринимается в случаях, когда действия совершались в общественно значимом контексте (например, задержание грабителя или насильника).

Наконец, нельзя не упомянуть коллизию между социальной практикой и юридической оценкой. В массовом правосознании правомерное задержание, даже сопряжённое с необходимым применением силы, воспринимается как оправданная реакция. Однако судебная практика не всегда согласуется с этой позицией, что формирует разрыв между правом и моралью, и, в более широком смысле — между юридической нормой и общественным ожиданием. Устранение этой коллизии невозможно без активного участия законодателя, судебной власти и научного сообщества в выработке понятных и справедливых критериев правомерности.

Таким образом, правовые коллизии, выявленные при анализе применения статьи 37 УК РК, не ограничиваются техническими противоречиями, а отражают структурные проблемы казахстанской уголовно-правовой системы,

связанные с неопределённостью, недифференцированностью и недостаточной интерпретационной разработанностью ключевых норм. Их устранение требует комплексного пересмотра нормативной конструкции, принятия разъяснений Верховного Суда, а также согласования уголовного и процессуального законодательства в части защиты прав граждан, действующих в условиях правомерного задержания преступника.

Проведённый анализ правоприменительной практики по делам, связанным с причинением вреда при задержании лица, совершившего посягательство, свидетельствует о том, что выявленные ошибки и правовые коллизии не являются случайными или эпизодическими. Напротив, они имеют устойчивый, системный характер, обнаруживаются на различных стадиях уголовного процесса — от досудебного расследования до вынесения приговора, — и прослеживаются независимо от региона, категории дел или уровня суда.

Типология этих ошибок позволяет утверждать, что проблема лежит не только в области ошибочной интерпретации нормы, но и в недостаточной теоретической проработанности самой статьи 33 УК РК, её неопределённости и лаконичности, отсутствии дифференцированного подхода к сложным ситуациям, а также в правовом молчании Верховного Суда по данному вопросу. Такие дефекты правового регулирования и его применения указывают на глубинную нормативно-методическую неполноту, которая порождает неопределённость не только для правоприменителей, но и для самих граждан, желающих действовать в рамках закона при защите общественного порядка.

Особую тревогу вызывает тот факт, что отсутствие единых подходов к оценке правомерности задержания подрывает базовую функцию статьи 33 УК РК — защиту активной гражданской инициативы, направленной на пресечение преступности. В ситуации, когда одни и те же действия в одном случае признаются правомерными, а в другом — преступными, происходит размывание границ между правомерным насилием и уголовно наказуемым деянием, что влечёт негативные последствия как для правопорядка, так и для доверия общества к государственным институтам.

Наряду с этим, имеющие место структурные правовые коллизии (между статьями 32, 33 и 34 УК РК, между нормами УК и УПК, между принципами уголовного права и процессуальными реалиями) свидетельствуют о необходимости согласованной и межуровневой реформы, включающей как нормативные изменения, так и методическую адаптацию.

Всё это позволяет утверждать, что для устранения выявленных проблем требуется комплексный подход, включающий:

- нормативную конкретизацию условий правомерного задержания и пределов допустимого вреда;
- развитие доктрины и теоретического инструментария для квалификации сложных ситуаций;
- создание процессуальных стандартов оценки правомерности действий;

- формирование единых методических рекомендаций и судебных разъяснений;
- внедрение правового обучения практиков на базе конкретных кейсов.

Указанные направления и меры, направленные на повышение эффективности, предсказуемости и справедливости правоприменения в сфере задержания посягнувшего лица, будут подробно рассмотрены в следующем подразделе — 3.3. Рекомендации по совершенствованию законодательства и практики применения статьи 37 УК РК, где будут предложены концептуальные и прикладные пути преодоления выявленных проблем.

Проведённое в рамках настоящего исследования изучение правоприменительной практики, связанной с реализацией статьи 33 Уголовного кодекса Республики Казахстан, позволило выявить не просто отдельные нарушения квалификационного характера или процессуальные ошибки, а глубоко укоренившиеся, структурные проблемы, охватывающие как сферу нормативного регулирования, так и сферу институционального исполнения закона. Ошибки в правовой оценке поведения задерживаемого лица, расхождение между судебными подходами, коллизии между уголовно-правовыми и уголовно-процессуальными нормами, а также неразработанность методической базы по оценке таких дел в своей совокупности указывают на системный характер дефицита правовой определённости и правовой защиты для граждан, осуществляющих задержание лиц, совершивших посягательство.

Как показано в предыдущих разделах, статья 33 УК РК, несмотря на свою формально логичную структуру, оставляет без нормативного разрешения ключевые вопросы, касающиеся пределов допустимого вреда, характера цели задержания, оценки необходимости применения силы и разграничения задержания от иных форм допустимого насилия. Практика применения нормы свидетельствует о существенном расхождении между теоретическим предназначением этой статьи и её интерпретацией в органах следствия и судах, что влечёт за собой многочисленные квалификационные и процессуальные ошибки. Эти ошибки порождают не только индивидуальные судебные ошибки, но и подрывают сам принцип правового участия граждан в охране общественного порядка.

Цель настоящего раздела состоит в том, чтобы на основе анализа положений статьи 33 УК РК, сопоставления их с судебной практикой, а также с выявленными теоретическими и институциональными пробелами сформулировать конкретные, юридически и практически обоснованные предложения, направленные на оптимизацию правового регулирования и правоприменения в рассматриваемой сфере. Предложенные меры носят как системный, так и прикладной характер и охватывают ключевые направления — от внесения изменений в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство до разработки разъяснений, методических рекомендаций и правовых стандартов оценки поведения лица, осуществляющего задержание.

3.3 Систематизированные предложения по совершенствованию правового регулирования и практики применения статьи 33 УК РК

Анализ выявленных проблем в применении статьи 33 УК Республики Казахстан позволяет утверждать, что устранение обозначенных ошибок невозможно исключительно за счёт правоприменительной корректировки на уровне индивидуального дела. Необходима системная, многоуровневая правовая интервенция, охватывающая как саму уголовно-правовую норму, так и инфраструктуру её применения. Ниже приводятся обоснованные рекомендации, распределённые по основным направлениям — нормативно-правовому, судебному-интерпретационному, методическому и образовательному.

1. Совершенствование уголовного законодательства

1.1. Внести изменения в статью 33 УК РК с целью устранения оценочной неопределённости её диспозиции.

Следует законодательно конкретизировать ключевые понятия, используемые в статье 33, такие как «необходимость причинения вреда», «допустимый вред», «цель передачи лицу органам». В частности, возможно введение примечаний к статье с указанием типовых ситуаций, в которых действия по задержанию признаются правомерными, либо расширение диспозиции за счёт включения конструктивных условий допустимости вреда, по аналогии со статьей о необходимой обороне.

1.2. Предусмотреть в статье 33 законодательную презумпцию добросовестности действий лица, осуществляющего задержание.

Это позволило бы сместить бремя доказывания в сторону опровержения правомерности, а не навешивания обвинения при отсутствии вины. Такая презумпция согласуется с принципом участия граждан в защите общественного порядка и служила бы гарантом от произвольного уголовного преследования.

1.3. Устранить внутреннюю коллизию между статьями 32, 33 и 34 УК РК.

Законодателю следует ввести нормативные разграничительные критерии, определяющие сферу применения каждого института. Это может быть реализовано через включение перекрестных отсылок, глоссариев, а также введение чётких временных и целевых разграничений между необходимой обороной, задержанием и крайней необходимостью.

2. Разработка официальных разъяснений Верховного Суда Республики Казахстан

2.1. Подготовка Нормативного постановления Верховного Суда РК о практике применения статьи 33 УК РК.

В рамках указанного постановления необходимо:

- раскрыть понятие правомерной цели задержания;
- обозначить пределы допустимого физического воздействия;
- дать правовые критерии оценки необходимости причинения вреда;
- определить признаки разграничения правомерного задержания и самосуда;

- указать порядок квалификации в случаях превышения пределов допустимого.

2.2. Формирование прецедентной практики с обобщением типичных кейсов.

Следует систематизировать имеющуюся судебную практику и представить её в виде обзора судебных решений, который станет инструментом унификации практики и ориентиром для судов нижестоящих инстанций.

3. *Методическое обеспечение следственной и прокурорской деятельности*

3.1. Разработка алгоритма следственных действий по делам, связанным с задержанием посягнувшего.

Такой алгоритм должен включать:

- перечень обязательных вопросов для установления цели поведения;
- критерии оценки альтернативных способов задержания;
- установление связи между вредом и сопротивлением преступника;
- анализ временного фактора (до/после окончания посягательства).

3.2. Введение типового уголовного дела для обучения следователей и прокуроров.

В рамках профессиональной подготовки и повышения квалификации возможно внедрение учебно-практического блока, посвящённого правомерному задержанию и его квалификации. Это позволит формировать у практиков навыки дифференцированной правовой оценки при рассмотрении граничных ситуаций.

4. *Образовательные и просветительские меры*

4.1. Включение модуля о задержании в курсы юридических вузов и ведомственных академий.

Программа подготовки будущих юристов и сотрудников правоохранительных органов должна включать специализированный курс по обстоятельствам, исключающим преступность, с отдельным разделом, посвящённым анализу статьи 33 УК РК.

4.2. Подготовка официальных информационных материалов для граждан.

В целях укрепления правовой культуры и предотвращения злоупотреблений следует разработать публично доступные правовые памятки, содержащие объяснение прав и обязанностей граждан при задержании преступника. Такой подход укрепит доверие к праву и снизит количество ситуаций, выходящих за рамки допустимого.

5. *Совершенствование уголовно-процессуального механизма оценки правомерности*

5.1. Установить процессуальные стандарты оценки правомерности задержания.

Внести изменения в УПК, обязывающие следствие:

- в мотивировочной части постановления о возбуждении дела анализировать наличие оснований для правомерного задержания;

- при наличии признаков правомерности — приостанавливать производство до экспертного заключения;
- закрепить право лица, осуществившего задержание, на участие защитника уже на стадии опроса.

Предложенные меры образуют взаимосвязанную систему коррекций, направленную на устранение правовой неопределенности, снижение правоприменительных ошибок и формирование единых, предсказуемых и справедливых подходов к оценке поведения граждан, реализующих своё право на правомерное задержание. Их реализация позволит привести статью 33 УК РК в соответствие с конституционными принципами правового государства, обеспечить надлежащую защиту добросовестных субъектов и укрепить доверие общества к уголовно-правовым институтам.

Представленные в настоящем разделе предложения, сформулированные на основе анализа теоретико-догматических положений уголовного права, правоприменительной практики и выявленных правовых коллизий, не претендуют на исчерпывающий и окончательный характер. Тем не менее, они обладают системной целостностью и охватывают ключевые векторы, от устранения нормативной неопределённости до институционального укрепления правовой предсказуемости. Эти меры образуют концептуальный и прикладной каркас, на основе которого может быть инициирована как точечная корректировка отдельных норм, так и масштабное реформирование подходов к применению института задержания лица, совершившего посягательство.

Реализация обозначенных рекомендаций позволит не только минимизировать правоприменительные ошибки, но и восстановить утраченное доверие к уголовному праву как к инструменту справедливого и взвешенного реагирования на действия граждан, выступающих от имени правопорядка в условиях фактического правового вакуума. Превращение статьи 33 УК РК из формального конструкта в действенный правовой механизм возможно только при условии гармонизации уголовных и процессуальных норм, обеспечения институционального взаимодействия между правоохранительными и судебными органами, а также формирования единого правового стандарта поведения субъекта, осуществляющего задержание.

Указанные предложения, несмотря на ограниченность рамок исследовательского формата, представляют собой опорную платформу для последующей научной, законодательной и правоприменительной работы, направленной на укрепление баланса между защитой интересов общества и обеспечением прав личности, между безопасностью и правовой ответственностью. Только при таком системном подходе статья 33 УК РК сможет выполнять свою функцию не формально, а содержательно — как норма, воплощающая принципы справедливости, пропорциональности и легитимного участия граждан в обеспечении правопорядка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обеспечение баланса между защитой общественного порядка и соблюдением прав личности представляет собой один из наиболее сложных и чувствительных аспектов современного уголовного права. В этом контексте институт задержания лица, совершившего посягательство, предусмотренный статьей 33 Уголовного кодекса Республики Казахстан, играет принципиально важную роль как средство реализации гражданской инициативы в условиях отсутствия немедленного вмешательства государства. Вместе с тем проведенное исследование показало, что правоприменение данной нормы сопровождается многочисленными проблемами, затрудняющими её реализацию в духе законности, справедливости и правовой определённости.

В ходе диссертационного исследования удалось обосновать, что причинение вреда при задержании не является разновидностью необходимой обороны или крайней необходимости, а представляет собой самостоятельное правомерное поведение, имеющее публично-правовую направленность и служащее целям уголовной юстиции. Однако, несмотря на признание этой нормы в законодательстве, её содержание остаётся недостаточно конкретизированным: используется неопределённый понятийный аппарат, отсутствуют чёткие границы допустимого вреда, не определены признаки добросовестной цели задержания.

На основе анализа судебной практики установлено, что реализация статьи 33 УК РК характеризуется фрагментарностью, противоречивостью и подверженностью квалификационным ошибкам. Причины этого заключаются как в оценочном характере диспозиции, так и в отсутствии официальных разъяснений Верховного Суда, неразработанности методических подходов к оценке поведения лица, осуществляющего задержание, а также в правовых коллизиях между нормами уголовного, уголовно-процессуального и конституционного права.

Проведённая теоретико-догматическая и практическая систематизация позволила выделить основные правовые и методологические проблемы применения статьи 33, среди которых: формальный подход к оценке тяжести вреда, недооценка правомерной цели, смешение институтов задержания и самосуда, отсутствие индивидуализации при групповом задержании, а также правовая уязвимость граждан, действующих добросовестно.

По итогам исследования предложен комплекс мер, направленных на совершенствование законодательства, правоприменительной практики и профессионального образования. В их числе:

1. В целях конкретизации обстоятельств, исключающих преступность деяния, предлагается дополнить пункт 2 статьи 33 УК РК «Причинение вреда при задержании лица, совершившего посягательство» вторым абзацем, изложив его в следующей редакции:

«Не является превышением мер, необходимых для задержания лица, совершившего посягательство, причинение вреда лицу, совершившему вооруженное нападение или посягательство, сопряженное с насилием, опасным для жизни в случаях, когда действия задерживаемого причиняют вред или создают реальную угрозу причинения такого вреда жизни или здоровью задерживаемого или иных лиц».

2. В целях выработки единой судебно-следственной практики предлагается разработать Нормативное постановление Верховного суда «О причинении вреда при задержании лица, совершившего посягательство» в котором, в частности, отразить следующие положения:

«1. При установлении правомерности причинения вреда судом или иным органом, рассматривающим дело, подлежат всестороннему учету:

- 1) степень и характер угрозы, исходившей от задерживаемого;
- 2) поведение лица, осуществлявшего задержание, и наличие у него возможности использовать иные меры;
- 3) правовая и физическая подготовленность лица, совершившего задержание;
- 4) наличие видеофиксации, свидетельских показаний и иных объективных доказательств;
- 5) психоэмоциональное состояние лица, действовавшего в условиях внезапной опасности.

2. Граждане, правомерно причинившие вред при задержании, подлежат защите от уголовного и гражданско-правового преследования».

3. В целях методического обеспечения следственной и прокурорской деятельности разработан алгоритм следственных действий по делам, связанным с причинением вреда при задержании лица, совершившего преступление (приложение 1).

Реализация данных предложений позволит не только устранить текущие правоприменительные противоречия, но и укрепить институт правомерного задержания как важнейший элемент взаимодействия государства и общества в борьбе с преступностью, обеспечивая правовую защиту тех граждан, кто действует в интересах закона.

Таким образом, статья 33 УК РК должна и может выполнять свою миссию не декларативно, а фактически — как норма, обеспечивающая справедливое, разумное и предсказуемое реагирование на активные действия граждан по пресечению преступлений. Для этого необходим переход от формального признания института задержания к его содержательному наполнению, нормативной ясности и практической реализуемости в условиях правового государства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1 Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_ – (дата обращения: 09.01.2025).
- 2 Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V ЗРК. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> – (дата обращения: 09.01.2025).
- 3 Козаченко И. Я. Уголовно-правовая охрана личности от преступных посягательств. – М.: Юридическая литература, 1984. – 144 с.
- 4 Орешкина Т.Ю.. Глава уголовного кодекса РФ об обстоятельствах, исключающих преступность деяния: проблемы формирования. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/glava-ugolovnogo-kodeksa-rf-ob-obstoyatelstvah-isklyuchayuschih-prestupnost-deyaniya-problemy-formirovaniya/viewer> – (дата обращения: 10.01.2025).
- 5 Баулин Ю. В. Право граждан на задержание преступника. – Харьков: Юрид. лит., 1986. – 112 с.
- 6 Батанина И. П. Необходимая оборона, причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, и крайняя необходимость: понятия и условия их правомерности // Молодой ученый. – 2022. – № 25 (420). – С. 71–73.
- 7 Уложение о наказаниях уголовных и исправительных от 1845 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ulonakaz1845> – (дата обращения: 14.01.2025).
- 8 Уголовное уложение Российской империи от 22 марта 1903 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: – (дата обращения: 15.01.2025 г).
- 9 Уголовный кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 27 октября 1960 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/14_ugol_kodeks – (дата обращения: 20.01.2025).
- 10 Донец Е. В. Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление. – М.: Юрайт, 2020. – 179 с.
- 11 Коняхин А. В. Причинение вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние: монография. – СПб.: Юрид. центр, 2015. – 248 с.
- 12 Комоско А. А., Приходько Н. Ю. Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление: учеб. пособие. – М.: Алеф-Пресс, 2019. – 144 с.
- 13 Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1: Учение о преступлении / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. – М.: Зерцало, 2002. – 752 с.
- 14 Милюков С. Ф. Правомерное причинение вреда при задержании: проблемы уголовно-правовой регламентации // Российский следователь. – 2020. – № 3. – С. 45–49.
- 15 Нагорный А. П., Попов А. Н. Причинение вреда при задержании: уголовно-правовые аспекты // Ученые записки КФУ им. В. И. Вернадского. Юрид. науки. – 2023. – Т. 9 (75). – № 3. – С. 496–501.

- 16 Сичинава И. Р. Условия правомерности причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление // Российская юстиция. – 2019. – № 12. – С. 28–31.
- 17 Уголовное право России: практический курс / под общ. ред. А. И. Бастрыкина; под науч. ред. А. В. Наумова. – М.: Юристъ, 2007. – 464 с.
- 18 Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Причинение_вреда_при_задержании_лица,_совершившего_преступление - (дата обращения: 06.02.2025).
- 19 Обстоятельства, исключающие преступность деяния. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Обстоятельства,_исключающие_преступность_деяния - (дата обращения: 11.02.2025).
- 20 Гражданский арест. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Гражданский_арест - (дата обращения: 14.02.2025).
- 21 Пронина М. М. Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление: уголовно-правовая регламентация и ее совершенствование: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2013. – 182 с.
- 22 Плэмэдялэ И. Г. Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление: уголовно-правовые аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2012. – 154 с.
- 23 Сорокин И. С. Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление: учеб. пособие. – Орел: ОрЮИ МВД России, 2013. – 76 с.
- 24 Куренов А. Ю. Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление: уголовно-правовой анализ: учеб. пособие. – Томск: ЮИ ТГУ, 2018. – 98 с.
- 25 Калугин В. В. Физическое или психическое принуждение как обстоятельство, исключающее преступность деяния: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2001. – 23 с.
- 26 Соломоненко И. Г. Исполнение приказа и его уголовно-правовое значение. – Ставрополь: Ставропольский юр. ин-т, 2000. – 96 с.
- 27 Орехов В. В. Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключающие преступность деяния. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. – 128 с.
- 28 Дмитренко А. Л. Пределы правомерности необходимой обороны. – Ставрополь: СЮИ МВД России, 2000. – 110 с.
- 29 Меркурьев В. В. Необходимая оборона: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Рязань, 1998. – 21 с.
- 30 Паше-Озерский Н. Н. Необходимая оборона и крайняя необходимость по советскому уголовному праву. – М.: Госюриздат, 1962. – 179 с.
- 31 Тишкевич И. С. Право граждан на задержание преступника. – Минск: БГУ, 1974. – 67 с.
- 32 Шапошникова Т. А. Право на необходимую оборону и его пределы. – М.: Норма, 2001. – 92 с.

- 33 Чучаев И. И. Уголовное право. Общая часть: учеб. курс. – М.: Проспект, 2020. – 528 с.
- 34 Наумов А. В. Уголовное право. Общая часть: учебник. – М.: Юристъ, 2021. – 640 с.
- 35 Рарог А. И. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния: учеб. пособие. – М.: Проспект, 2017. – 120 с.
- 36 Таганцев Н. С. Русское уголовное право. – М.: Статут, 2003. – Т. 1. – 542 с.
- 37 Серебровский В. И. Уголовный закон и социалистическая законность. – М.: Юрид. лит., 1967. – 189 с.
- 38 Гуляев В. П. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2007. – 351 с.
- 39 Уголовное право Республики Казахстан: Общая часть: учеб. пособие / под ред. А. К. Кемалова. – Алматы: Жеті Жарғы, 2021. – 304 с.
- 40 Курс уголовного права Казахстана: Общая часть: учеб. пособие / под ред. С. К. Баймуханова. – Алматы: Норма-К, 2020. – 296 с.
- 41 Бекназаров У. У., Алауханов Е. О. Уголовное право РК. Общая часть. – Алматы: Жеті Жарғы, 2018. – 260 с.
- 42 Рогов И. И., Алауханов Е. О. Уголовное право РК: Общая часть. – Алматы: Жеті Жарғы, 2019. – 288 с.
- 43 Ағыбаев А. Н. Қылмыстық құқық. Жалпы бөлім: оқулық. – Алматы: Жеті Жарғы, 2015. – 324 б.
- 44 Кемалов А. К. Ответственность за превышение пределов необходимой обороны. – Алматы: Жеті Жарғы, 2016. – 116 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Алгоритм

следственных действий по делам, связанным с задержанием лица,
совершившего преступление

I. Начальный этап – сбор исходной информации

Цель: Установить общие обстоятельства посягательства и задержания.

Действия:

- Осмотр места происшествия.
- Назначение судебно-медицинской экспертизы пострадавшему (задержанному).
- Определение времени и места причинения вреда.
- Идентификация участников: кто задерживал и кого задерживали.
- Фиксация следов борьбы, следов крови, предметов, использованных для сдерживания/защиты.

II. Установление цели поведения лица, причинившего вред

Обязательные вопросы:

1. Какова была цель действий задерживающего?
  - Пресечение преступления?
  - Защита собственной жизни/здоровья?
  - Задержание для передачи правоохранительным органам?
2. Осознавал ли он, что причиняет вред?
3. Пытался ли он ограничиться минимальным воздействием?
4. Имел ли он намерение расправы, мести или самосуда?

Средства установления:

- Допрос подозреваемого/обвиняемого.
- Допрос свидетелей (в т.ч. очевидцев и сотрудников полиции).
- Анализ записей с камер видеонаблюдения, видеорегистраторов.
- Изъятие и анализ переписки, видеозаписей, аудиозаписей.

III. Оценка альтернативных способов задержания

Критерии оценки:

1. Наличие реальной угрозы – мог ли преступник продолжить посягательство?
2. Физическое и численное соотношение — один/несколько задерживающих, оказывал ли сопротивление задерживаемый.
3. Наличие специальных средств или помощи — был ли доступ к полицейскому наряду, наручникам, другому оборудованию.

4. Уровень подготовки — владеет ли задерживающий приемами самозащиты, имел ли он право использовать спецсредства.
5. Средства, примененные для задержания, — их сила, характер и соразмерность.

Вывод: Можно ли было обойтись без причинения вреда? Если нет — был ли выбран наименее опасный способ?

IV. Установление связи между вредом и сопротивлением преступника

Анализ:

- Имело ли место активное физическое сопротивление?
- Использовал ли преступник оружие или иные предметы?
- Продолжал ли он посягательство в момент причинения вреда?
- Было ли причинение вреда единственным способом пресечь сопротивление?

Средства установления:

- Судебно-медицинская экспертиза (характер и механизм травм).
- Допрос очевидцев (реакция преступника).
- Анализ следов борьбы, повреждений одежды.
- Видео- и аудиозаписи.

V. Анализ временного фактора: до или после посягательства

Цель: определить, когда был причинён вред — в момент отражения нападения, в процессе задержания или уже после того, как опасность миновала.

Фиксация:

1. Хронология событий:
  - Когда началось посягательство?
  - Когда оно было фактически прекращено?
  - Когда было причинено телесное повреждение?
2. Прекратилось ли сопротивление преступника до причинения вреда?
3. Был ли причинён вред после полного устранения угрозы (например, когда лицо уже обездвижено, сковано и не оказывает сопротивления)?

VI. Итоговая квалификация

На основе всех собранных данных следователь должен определить:

- Имелись ли основания для применения меры по задержанию?
- Являлось ли причинение вреда необходимым и соразмерным обстоятельствам?
- Подпадает ли этот случай под ст. 35 ч. 3 УПК РК (Обстоятельства, исключающие производство по делу)?

- Либо налицо превышение пределов допустимого вреда — например, ст. 362 УК РК («Превышение власти или должностных полномочий») или иные составы преступлений.

Примечания для следователя:

- *Обязателен учет психоэмоционального состояния задерживаемого (стресс, страх).*
- *Судебная практика допускает право граждан задерживать преступников при наличии угрозы общественной безопасности.*
- *Необходимо исключить признаки мести, самосуда или агрессии.*